

**ВНЕ
ЗАКОНА**

**Чингиз
Абдуллаев**

*Посеешь ветер –
пожнешь бурю.*

**ИСТИНА ПОКОИТСЯ
НА НЕБЕСАХ**

ЭКСМО

Дронго

Чингиз Абдуллаев

Три цвета крови

«PEN-клуб»

1996

Абдуллаев Ч. А.

Три цвета крови / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб»,
1996 — (Дронго)

Эта операция продумывалась несколько месяцев. Операция, в разработке которой принимали участие лучшие профессионалы спецслужб. Операция, цель которой – убийство двух виднейших политиков СНГ...Агент Дронго, которому поручено предотвратить преступление, знает многое: имя человека, собирающегося выполнить эту «работу», его прошлое, его стиль и методику – даже гигантскую сумму его оплаты. Не знает Дронго только одного – кого из лидеров стран ближнего зарубежья должен убрать этот человек. А времени на то, чтобы получить ответ и предотвратить трагедию, остается все меньше...

© Абдуллаев Ч. А., 1996

© PEN-клуб, 1996

Содержание

Пролог	5
Часть I	8
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	25
Глава 6	27
Глава 7	32
Глава 8	36
Глава 9	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Чингиз Абдуллаев

Три цвета крови

И сказал Господь Моисею: возьми всех начальников народа, и повесь их Господу перед солнцем, и отвратится от Израиля ярость гнева Господня.

**Четвертая книга Моисеева,
Числа, 25, 4**

А ведь если вы покоритесь человеку, подобному вам, поистине, тогда вы будете в убытке.

**Коран, Сура 23,
Верующие, 36**

Ибо мы признаем, что человек оправдывается верою, независимо от закона.

Послание к Римлянам, 3, 28

Пролог

Ресторан имел странное и немного смешное название – «Помидор». Расположенный на Ленинградском проспекте, на пути из центра города в аэропорты Шереметьево, он своим игривым названием привлекал внимание, словно подчеркивая несерьезность заведения. Внутри ресторанчика было всегда темновато, а несколько небольших залов, скорее комнат, предназначались исключительно для знакомых клиентов.

Это был уникальный ресторан. Его хозяева – азербайджанцы и армяне – были теми бакинцами, которые и составляли полифоническую основу Баку до известных событий конца восьмидесятых. Они часто и уезжали вместе, покидая родной город, ставший вдруг негостеприимным и чужим. В ресторане слышалась русская, азербайджанская и армянская речь, больше русская, но с сочным южным акцентом, своеобразная речь подлинных бакинцев, средство общения всего населения космополитичного Вавилона, каким был Баку почти восемьдесят лет двадцатого века.

Приходившие сюда люди искали уголок того самого города, который они однажды навсегда потеряли. Здесь мирно обедали и ужинали азербайджанцы и армяне, проклиная тех, из-за кого они вынуждены были покинуть родину, особенно националистов обеих мастей, из-за непримиримости которых стало невозможно мирное сосуществование двух народов. И хотя каждая сторона считала себя по-своему правой, справедливости ради стоило сказать, что больше всего доставалось карабахским армянам, начавшим этот конфликт, доведя его до столь неприятных последствий.

Но споров среди посетителей не возникало. В ресторане царил перемирие, и когда на фронтах шли ожесточенные бои, здесь по традиции выпивали за мир и дружбу между соседями. А потом поминали павших, независимо от их национальной принадлежности. Армяне пили за упокой души погибших, азербайджанцы стояли, опустив головы, не дотрагиваясь до спиртного. Здесь часто плакали мужчины, вспоминая свой родной город. Плакали все: азербайджанцы и армяне, русские и евреи, лезгины и грузины, впервые попадавшие в этот ресторан. Вавилон был разрушен и уже никогда не мог быть восстановлен в прежнем величии. Это понимали все, и от этого их скорбь становилась еще более сильной.

Метрдотель-азербайджанец встречал гостей в дверях, провожая их к заказанным столикам. А небольшой оркестр, состоявший из бакинских армян, играл старые мелодии-шлягеры, столь популярные в недавние добрые времена и вызывавшие ностальгические слезы у присутствующих.

Бывший подполковник Абрамов сидел за столиком не один. Он любил слушать забытые мелодии. Вынужденный уехать из Баку, он по-прежнему любил этот город, по ночам, во сне, ему являлись бакинские бульвары и парки, площади и фонтаны. К несчастью Абрамова, подобная ностальгическая страсть передалась и детям – двум дочерям, которые также не могли вернуться в Баку. Туда изредка ездила к своей матери лишь жена Абрамова, азербайджанка. Смешанных браков в Баку было особенно много, и такие семьи страдали наиболее сильно.

Сегодня Абрамов сидел за столиком в компании неприятного типа, которого он меньше всего хотел бы здесь встретить.

– Мы предлагаем вам сотрудничество, – говорил его собеседник.

– Вы мне это уже предлагали, – отмахнулся Абрамов, он довольно много выпил и чувствовал себя не совсем хорошо. К тому же в этот момент музыканты заиграли знакомую мелодию.

– Почему же вы отказываетесь?

– Не хочу связываться с такими типами, как вы, – откровенно признался Абрамов, – я понял, что вас интересуют мои прежние связи. Моя работа в МВД Азербайджана. Я не знаю, кого вы представляете и кто вы такой. Вижу, что вы не армянин. Но, кто бы вы ни были, вы ошиблись адресом.

– Мы хотим использовать только ваш опыт. И хорошо заплатим.

– Знаю, – поморщился Абрамов. – Идите к черту. Мне все надоело.

– Но поймите, – убеждал его собеседник, – это очень выгодное предложение. Вы просто поможете нам, предоставив информацию, проясните некоторые детали.

– Для чего?

– У нас коммерческие интересы, – уклонился собеседник.

– Ах, коммерческие, – усмехнулся Абрамов, наливая водки. Он был крупным мужчиной, с характерными кустистыми бровями и черными глазами. Тяжелый подбородок и упрямые складки морщин у рта четко свидетельствовали о его скверном характере, к тому же изменившемся не в лучшую сторону после переезда в Москву.

– Да. Нас интересует информация. Мы можем заплатить.

– Ага, – бывший подполковник вдруг схватил своего собеседника за лацкан пиджака и привлек к себе, – такие, как ты, – сказал, задыхаясь от ненависти, – разрушили мой дом, сломали мою судьбу, испортили жизнь моим детям. И ты хочешь, чтобы я работал с вами? Пошел отсюда...

В МВД любили сочные ругательства. И Абрамов прибавил еще несколько известных выражений.

– Напрасно вы так. – Собеседник поправил пиджак, словно не обижаясь на него. – Мы ведь совсем не то, что вы думаете.

– Деньги просто так не платят, – махнул рукой Абрамов, – знаю я ваши информации. Я ничего не буду делать. У меня жена азербайджанка, а ты, сука, пришел ко мне и выпытываешь, какую гадость еще можно сделать, чтобы совсем испоганить жизнь людям. Пошел отсюда! – сорвался Абрамов.

Музыканты прекратили играть.

– Напрасно вы так, – сказал, спокойно вставая из-за стола, «коммерсант».

Абрамов обнаружил, что бутылка водки пуста.

– Рустам, принеси еще одну, – крикнул официанту. – Сукин сын, – пробормотал он, вспоминая ушедшего, – информацию им подавай. Мои прежние связи вспомнили. Мало им всего, что натворили. Не сидится спокойно.

Он сжал кулаки. В этот момент музыканты заиграли «Баку – любимый город», и он, чуть расслабившись, закричал:

– Давай, ребята! Давай. Мы им всем еще покажем! Мы еще вспомним наш город.

Спустя пять часов в подъезде дома, где снимала квартиру семья Абрамовых, был найден труп бывшего подполковника МВД Азербайджана Владимира Абрамова. Киллер действовал аккуратно и четко. Подождав, пока подполковник пройдет в подъезд, он поднял пистолет и выстрелил ему в затылок. Смерть, по утверждению экспертов, наступила мгновенно. Киллер для верности сделал контрольный выстрел в сердце и затем удалился. Свидетелей и очевидцев преступления найдено не было.

А в ресторане «Помидор» по-прежнему собирались бывшие бакинцы, вспоминающие свой город и плачущие, невзирая на национальность и степень благополучия. В конце концов, даже у очень богатых людей бывают приступы ностальгии. А у бедных они превращаются в непрерывный процесс воспоминаний, ибо так приятно вспомнить время, когда тебе было лучше, чем сейчас.

Часть I

ТРИ ЦВЕТА КРОВИ. БЕЛЫЙ

Глава 1

Серебристый «Фиат» мягко затормозил у развилки дороги. Это была последняя переднеприводная модель концерна «ФИАТ», произведенная совместно с фирмами «Альфа-Ромео» и «Ланция». Машина называлась «Фиат-Крома» и успела изысканным дизайном неплохо зарекомендовать себя в Европе. Сидевший за рулем мужчина лет сорока, положив обе руки на руль, задумчиво глядел перед собой. У него были резкие, четкие черты лица, столь характерные для прибалтов. Ранняя седина придавала облику неуловимый налет благородства, но впечатление портили зеленые холодные глаза и упрямо сжатые тонкие губы. Он был одет в куртку и легкие вельветовые брюки. На ногах – мягкие кожаные ботинки, словно он собирался идти в небольшой поход по склонам соседних холмов.

Ровно через пять минут рядом затормозил другой автомобиль, «Форд-Контур», лучшая модель всемирно известной американской компании последнего года выпуска. Темно-красный обтекаемый кузов представлял собой американскую версию европейской модели «Мондео». Сидевший в этом автомобиле пожилой человек лет шестидесяти, казалось, не удивился, увидев в этом пустынном месте «Фиат». В отличие от владельца «Фиата» он был полным и лысым, излучал жизнерадостность и радушие. Но внимательный наблюдатель сумел бы заметить, как время от времени мелькал его острый взгляд. Он был одет в классический светлый плащ и строгий темно-синий костюм. На галстук бросалась в глаза элегантная булавка от «Валентино».

Подъехавший вторым владелец «Форда» вышел из автомобиля, громко хлопнув дверцей, следом за этим вышел и первый мужчина, мягко закрывая дверцу своего автомобиля. Оба сделали несколько шагов навстречу друг другу.

– Добрый день, – сказал владелец «Форда», кивая, – я Альберто Трапатони, – разговор шел по-английски.

– Это я уже понял, – улыбнулся собеседник.

– Как мне вас называть? – напряженно спросил Трапатони. Они направились к лесу.

– Как мы и договаривались, Йозас Груодис. Это имя написано и у меня в паспорте.

– Конечно, мистер Груодис, – кивнул Трапатони. – Надеюсь, вы понимаете, что наш разговор носит конфиденциальный характер. Поэтому мы и встречаемся в столь экзотическом месте Италии.

– Вы могли меня об этом и не предупреждать, – холодно заметил Груодис, – вы ведь знаете, с кем имеете дело.

– Знаю, – кивнул с улыбкой Трапатони, – и даже знаю, что Груодис – не ваша настоящая фамилия. Вы бывший подполковник КГБ СССР, работали в советской разведке, в Первом главном управлении, в управлении Т¹. После девяносто первого года некоторое время жили в Литве, затем эмигрировали в Германию. В настоящее время возглавляете группу бывших сотрудников КГБ, которые, разочаровавшись в прежней жизни, решили начать новую. Используя навыки прошлого, конечно. На ваши услуги довольно большой спрос в мире. В старом КГБ работали профессионалы. Вы разведены, в Вильнюсе у вас остались жена и дочь. Кроме английского, вы еще должны знать довольно неплохо немецкий и турецкий языки. Это не считая литовского и русского. Все правильно?

¹ Управление Т в ПГУ КГБ СССР было создано для проведения различного рода акций за рубежом.

– Хотите произвести на меня впечатление своей осведомленностью? – усмехнулся Груодис.

– Да. Но отчасти. Заодно я хочу продемонстрировать вам наши способности. И, если хотите, степень наших возможностей.

– Я их оценил.

– Прекрасно. А теперь перейдем к делу. Надеюсь, вы понимаете, зачем мы так долго вас искали?

– Догадываюсь, – буркнул Груодис.

– Мы получили очень лестные отзывы о вас, мистер Груодис. Специалисты считают, что вы один из лучших профессионалов бывшего КГБ СССР. Это не комплимент, просто я констатирую реальность. Мы решили, что нам нужен такой человек. И, конечно, ваши помощники. Кстати, никто точно не знает, сколько их. Может, подскажите?

– Цена? – спросил Груодис, отворачиваясь в сторону машин. Словно следил, чтобы никто не появился рядом. Он явно проигнорировал вопрос. Собеседник все понял и не стал настаивать.

– Миллион долларов аванса. В случае успешного выполнения операции сумма окончательного гонорара будет утроена, – спокойно сказал Трапатони, – и это без учета аванса.

Груодис повернулся в его сторону. В глазах все-таки мелькнула искра удивления. Он чуть усмехнулся.

– Большие деньги, – сказал с ударением, – очень большие. Вы, очевидно, припасли для нас нечто очень неприятное. Речь идет о политике. Я угадал?

– Мне приятно, что вы в хорошей форме, мистер Груодис. Да, конечно. За обычного бандита столько не платят. Речь идет о политике. Об очень крупном политике. Вернее, о встрече двух политиков, которую нужно сорвать. Если же вам удастся убрать обоих, сумма гонорара будет удвоена.

– Шесть миллионов долларов? – не поверил Груодис. – Такие деньги не заплатят даже за убийство президента Соединенных Штатов Америки. Может, я ошибаюсь и дело в обычной мести? Или этот политик того стоит?

– Они оба стоят таких денег, – кивнул Трапатони, – и мы надеемся, что вы согласитесь.

– Когда я должен дать ответ?

– Немедленно. После этого я сообщу вам их имена.

– Вы уверены, что у меня получится?

– Во всяком случае, вы один из немногих, у кого это может получиться.

– Тогда я задам вам несколько вопросов. На него совершались покушения?

– Много раз, – кивнул Трапатони, – и каждый раз он оставался в живых.

– Значит, он знает, что его могут убрать и готов к этому. Соответственно готовы и люди из его охраны.

– Верно. Иногда он спасался только чудом.

– Если я соглашусь, вы скажете мне его имя и дадите аванс. Когда мне нужно приступить к операции?

– Сразу после нашего разговора. У вас не так много времени. Встреча состоится примерно через четыре месяца. Точную дату мы знаем, и я сообщу вам ее вместе с фамилиями политиков.

– Ясно, – кивнул Груодис, – заодно постарайтесь убедительно объяснить, почему за их убийство платят такие деньги. Надеюсь, этот пункт вас не очень обременит?

– Не очень, – улыбнулся Трапатони. – Я постараюсь объяснить, почему так важно сорвать эту встречу.

– И последний вопрос. Этот политик или эти политики хорошо известны в мире?

– Даже слишком. Во всяком случае, в мире политики их знают слишком хорошо. От их встречи может во многом зависеть судьба мира. Но это не президенты США и России, на такой заказ мы пока не планируем вашего участия.

– Понятно. Кажется, я должен согласиться. Вы и так уже сказали слишком много. Я ведь не должен отказываться, это правда, мистер Траппатони?

– Что вы имеете в виду? – нахмурился его собеседник. Блеснула заколка на его галстук.

– Ничего. За исключением того малозначительного факта, что под кузовом моего автомобиля прикреплено взрывное устройство, реагирующее на радиосигнал. Если сейчас мы не договоримся и я попытаюсь уехать, вы пошлете этот сигнал. Я даже убежден, что приказ будет отдан из вашего автомобиля. – Груодис говорил спокойно, словно рассказывал выученный урок, глядя в несколько растерянные глаза своего преподавателя.

Тот хотел что-то возразить, даже открыл рот, но передумал. Промолчав минуту, спросил:

– Тогда почему вы приехали?

– Мне было интересно, – на этот раз улыбнулся Груодис. Впервые за время разговора. – Кажется, мне нужно согласиться. Чтобы вы не пытались взорвать мой новый автомобиль. Кстати, у вас ничего не получится. Я обезвредил взрывное устройство.

– Вы могли бы мне этого не говорить, – пожал плечами Траппатони, – так вы согласны?

– Да. Но единственное условие. Все деньги вы переводите на счет в швейцарском банке с условием, что взять их я могу лишь после определенной даты. Если ничего не выйдет, вы всегда можете забрать деньги. По-моему, так будет лучше. Меня не устраивает приятная перспектива увидеться с вами во второй раз после завершения операции.

Траппатони достал платок, вытер лоб.

– Вы деловой человек, мистер Груодис. Вот фотография этих людей.

Траппатони достал из кармана фотографию и передал ее собеседнику. Тот взял, внимательно всматриваясь в лица обоих политиков.

– Нечто подобное я и ожидал, – сказал, возвращая фотографию, – вам нужен был такой человек, как я.

– Теперь вы все понимаете. – Траппатони быстро спрятал фотографию в карман. – Их встреча состоится через четыре месяца, двенадцатого июня. Так, во всяком случае, сообщают их пресс-службы.

– Это будет нелегко, – задумчиво произнес Груодис, – их хорошо охраняют. Там много моих бывших коллег.

– Иначе бы мы не платили такие деньги, – напомнил Траппатони. – Материалы и деньги получите сегодня вечером. Их привезут к вам в отель.

– Вы знаете, где я остановился? – догадался бывший подполковник КГБ.

– А как вы думаете? – парировал Траппатони. – Вы считаете, что мы можем рисковать в подобной ситуации?

– Вы не сказали, почему их хотят убрать. Почему платят такие деньги. Я обязан понимать смысл поставленной задачи. Политическая оппозиция или нечто другое?

– Деньги, – пожал плечами Траппатони, – очень большие деньги, мистер Груодис. Другие подробности мне неизвестны. А если бы даже были известны, я бы вам о них не сказал. Вы же понимаете мои мотивы? Через десять-пятнадцать лет это, возможно, будет самое важное звено в развитии человеческой цивилизации.

– Неубедительно, – возразил Груодис, – из-за того, что будет через пятнадцать лет, не убивают нынешних политиков. И почему тогда все приурочено к конкретной дате – к двенадцатому июня?

– Мне придется передать моим друзьям, что вы более профессионал, чем мы себе представляли. Двенадцатого июня они подписывают новый контракт.

– Получается, что вы работаете на конкурирующую фирму? – усмехнулся Груодис.

– Нет, – засмеялся Траппатони, – просто наши интересы где-то пересеклись. Мы работаем на людей, заинтересованных в том, чтобы в мире была определенная расстановка сил. Мы думаем о развитии всего индустриального сообщества Европы в новом веке. Мы работаем на будущее, мистер Груодис.

– И во имя этого порядка завтра вы хотите создать хаос сегодня?

– Порядок возможен только через хаос. В конце концов, именно хаос был в самом начале, породив нашу Вселенную. Боюсь, что в упорядоченной системе координат человечество никогда бы не смогло возникнуть. Нужен хаос, чтобы дать толчок новым идеям и новым людям. Вы со мной не согласны, мистер Груодис?

– По-моему, как раз с этим у нас никогда не было особых проблем. Особенно сейчас, – мрачно заметил Груодис.

– Вы пессимист, – серьезно парировал собеседник, – работать вы будете с вашей группой?

– Это мое дело. Ваше – наметить цель. Все остальное касается только меня. Или моих друзей.

– Согласен, – пробормотал Траппатони, – в любом случае полученный гонорар будет переведен лично вам.

– До свидания. – Груодису не понравилась ложная патетика в разговоре и сам Траппатони.

– Документы вам пришлют сегодня вечером, – крикнул Траппатони, но Груодис даже не обернулся.

Через минуту его автомобиль, развернувшись, поехал в противоположную сторону. Траппатони, подошедший к своей машине, долго смотрел ему вслед. Затем достал из внутреннего кармана плаща переговорное устройство.

– Серджио, это я, Альберто. Он знает о взрывчатке в автомобиле. Ты был прав. Он профессионал.

– Мои ребята ждут его на дороге, – ответил Серджио, – он не сумеет уйти. Вы не договорились?

– Договорились, пропустите его автомобиль.

«Этот красавчик даже не знает, что секунду назад избежал верной смерти, – подумал Траппатони. – Впрочем, это даже хорошо, что не знает. Пусть он чувствует себя победителем. Это придаст ему нужную психологическую уверенность. Ведь у него впереди такая сложная задача».

Траппатони сел в автомобиль, развернулся. Уже отъехав от места встречи и словно вспомнив о фотографии, снова достал ее, внимательно вглядываясь в лица запечатленных на снимке политиков. «Может быть, у этого литовца получится лучше, чем у всех остальных», – подумал он. На снимке застыли в рукопожатии два президента. Отныне они были главными мишенями профессионального убийцы Йозаса Груодиса и его товарищей.

Глава 2

Жизнь на два разных города, неумолимо отдаляющихся друг от друга с каждым прожитым днем, была причиной того чувства неустроенности, которое царило в душе Дронго. Обретение независимости союзными республиками и развал огромной страны привели в конечном счете лишь к страданиям миллионов людей и потокам крови, невысказанным в прежней Империи.

Находились политики, которые полагали, что обретение свободы невозможно без пролитой крови, и даже приветствовали ее, считая, что в муках родовых схваток новые молодые государства сумеют выстоять и развиваться в нормально функционирующие политические организмы. Доказывали, что независимость и свобода гораздо более важные вещи, чем жизнь одного человека или даже сотен людей. Гораздо более важные, чем неустроенные судьбы миллионов людей. Гораздо более важные, чем гражданские и национальные войны, прокатившиеся по всему периметру границ бывшей Империи. Гораздо более важные, чем слеза ребенка. Политики любили независимость гораздо больше простых людей, ибо независимость для них была независимостью от московских далеких начальников, возможностью бесконтрольного властвования и полного произвола собственных диктатур.

И в этих условиях столицы двух возникших государств стремительно отдалялись друг от друга. Москва, оставшаяся столицей только независимой России, рвалась вперед, являясь флагманом российских реформ, догоняя по качеству жизни и ценам европейские столицы, а его родной город, ставший тоже столицей, но уже самостоятельной республики, стремительно скатывался в средневековье, как и большинство других республик, с несменяемыми президентами, с пародийными парламентами и еще более пародийными политическими партиями. И эта раздвоенность души самого Дронго, это ощущение провала во времени и потерянности собственной судьбы становились частью существования и в родном городе, и в Москве, где независимая Россия гордо и в одиночку продолжала свои реформы.

Он так и жил по пять-шесть месяцев зимой и летом у себя на юге, а весной и осенью на севере. И в этот свой весенний приезд он, достав несколько томиков любимых американских фантастов, предвкушал то наслаждение, с которым будет листать новые романы своих любимцев.

В первый же вечер зазвонил телефон. Это было как наваждение, но он уже знал, что на Брэдбери и Гаррисона никто никогда не звонит. А вот стоит ему взять Железны или Саймака, как его сразу отвлекают от чтения. Хайнлайн имел большие перспективы быть прочитанным, но здесь приходилось отвлекаться на бытовые темы. И, наконец, самую сложную и непредсказуемую судьбу имели Айзек Азимов и Роберт Шекли. Во время чтения их романов могло произойти все, что угодно. От землетрясения до цунами, от срочного вызова до пожара в соседней квартире.

В этот раз он читал один из последних романов Айзека Азимова. Книга еще не была переведена на русский язык, и он читал роман в подлиннике, наслаждаясь неистощимым остроумием и мастерством великого американского фантаста. И в этот момент раздался звонок. Дронго сначала не хотел поднимать трубку. Но вспомнил, что может позвонить сосед, обычно забиравший его почту в Москве. И поднял трубку. С этого и начались все неприятности.

– Добрый вечер, – сказал незнакомый голос, и Дронго поморщился. Это был голос человека достаточно наглого и пробивного, чтобы от него можно было отделаться просто так. Это был голос человека, уверенного в том, что его беседа может заинтересовать самого Дронго.

– Добрый вечер, – недовольно ответил Дронго», – кто говорит?

– Я звоню, чтобы передать вам привет от нашего общего друга, – продолжал незнакомец, – бывшего полковника Родионова.

В нескольких фразах может проявиться весь характер человека, его привычки, его манера общения, его психология. Просто нужно уметь слушать. Дронго слушать умел. Он обратил внимание, что незнакомец сказал «бывший полковник». Значит, к Родионову он относился с некоторой долей скептицизма, характерного для большинства новичков, пришедших в правоохранительные органы за последние десять лет. Прежний сослуживец Родионова никогда бы не назвал его «бывшим». В то же время незнакомец не стал уточнять, к какому именно ведомству принадлежал Родионов. По логике, он должен был объяснить, что Родионов бывший полковник КГБ. Но тех трех букв он не сказал, и это говорило в его пользу. Он не был окончательным идиотом, что вселяло некоторый оптимизм.

Общее впечатление портила его манера общения, самоуверенная и безапелляционная. Сказав «вы его хорошо знаете», он одновременно давал понять, что знает все или почти все и о самом Дронго. Причем может знать такие подробности, которые сам Дронго предпочел бы не вспоминать.

– Что вам нужно? – спросил Дронго.

– Мы хотели бы с вами встретиться.

– Кто это «мы»? – недовольно переспросил Дронго. – Клуб лысых холостяков или у вас общие интересы по половому признаку? Может, вы клуб непризнанных гомосексуалистов?

– Вы все отлично понимаете. Наши представители хотели бы с вами встретиться и обсудить некоторые проблемы.

– До свидания. И не пытайтесь приехать ко мне. Я спущу с лестницы первого же визитера. – Дронго положил трубку.

Только этого не хватало. Опять одно и то же. После случившегося во Франкфурте, когда там схлестнулись сразу несколько спецслужб мира, он дал себе слово больше не ввязываться в эти грязные игры. И вот опять ему звонят.

Телефон зазвонил снова. Этот наглый незнакомец, конечно, не успокоится, пока не доконает своего собеседника. Давно пора сменить московскую квартиру и телефон, чтобы его не могли найти. Телефон звонил не переставая. Он наконец поднял трубку.

– Не бросайте трубку, – попросил незнакомец, – с вами хочет поговорить один ваш старый знакомый.

– Здравствуй, дорогой, – послышался очень знакомый голос, – я даже не думал, что смогу тебя так быстро найти.

– Адам? – не поверил себе Дронго. – Адам Купцевич? Как ты сюда попал? Значит, ты в Москве? Что ты здесь делаешь? Откуда ты взялся?

– Не все сразу, – засмеялся Адам Купцевич, – меня к себе, надеюсь, пустишь, с лестницы спускать не будешь? С моими ногами это очень неприятно.

– Я сам приеду за тобой, – предложил Дронго.

– Не нужно. Здесь еще один наш старый знакомый. Вот с ним мы и приедем. Не возражаешь?

– С тобой – кто угодно. Как хорошо, что ты прилетел. Сколько лет мы не виделись? Три, четыре?

– Целых пять. Мы встречались тогда, когда ты приезжал из Союза. – Купцевич говорил по-русски с характерным польским акцентом.

– Да, – закрыл глаза Дронго, – все правильно. Пять лет назад. Ты тогда мне снова помог. Я все помню, Адам.

– Вот и хорошо. Значит, у нас будет, о чем вспомнить. Мы будем через полчаса.

– Договорились. – Он положил трубку.

Адам Купцевич, легендарный польский разведчик. Один из лучших профессионалов, долгие годы работал в Интерполе, был экспертом специального комитета в ООН. Купцевич был первым руководителем Дронго во время их сложной поездки в Юго-Западную Азию. Тогда

они гонялись по всему миру за торговцами наркотиками. И в этой безумной драке потеряли многих своих товарищей. В том числе и любимую женщину Купцевича – Элен Дейли. Заложная в автомобиле взрывчатка сработала, и женщина, сидевшая за рулем, погибла. Купцевичу «повезло больше». Он остался без ног и несколько месяцев провалялся в больнице.

А потом начались известные польские события. И вскоре в Польше к власти пришел «электрик» Валенса и правительство «Солидарности». Инвалид Купцевич не был нужен никому. Тем более инвалид, по-прежнему остающийся членом бывшей правящей партии. Ведь порядочные люди присягают только один раз. Все остальные оправдания и ссылки на изменившиеся обстоятельства – жалкие попытки прикрыть собственное ничтожество. Купцевич был уволен с работы и лишь чудом сумел устроиться ночным дежурным в краковском музее. Тогда они и встретились: Дронго был в Польше проездом в Австрию. На этот раз поездка оказалась роковой для самого Дронго. Словно сработало чье-то заклятие: теперь пришла его очередь терять любимую женщину. Единственную женщину, которую он любил. И которая отдала за него жизнь, заслонив от пуль убийцы. По прихоти судьбы она тоже была американкой. Натали Брэй погибла в Австрии осенью девяносто первого года. И несчастье, случившееся с Дронго, как-то уравнило его с Купцевичем, сделав боль разлуки не столь выматывающей душу, словно поделенное на нескольких человек горе было не таким тяжким, а разделенная боль не столь мучительной.

Он уже не жалел, что не успел сменить телефон и поменять квартиру. Теперь Дронго с нетерпением ждал приезда Купцевича. Тот сказал «мы», значит, собирался приехать не один.

Ровно через полчаса в дверь позвонили. Дронго по привычке посмотрел в глазок, встав таким образом, чтобы смотреть несколько сбоку. На лестничной клетке стоял Адам Купцевич. В этом не было никакого сомнения. Это был он, сильно изменившийся, очень располневший, почти седой, с палкой в руках, но живой и здоровый, ожидавший, когда старый друг откроет. Уже не раздумывая, Дронго щелкнул замком. И попал в объятия Купцевича.

Но его ожидал и другой сюрприз. На лестнице стоял Владимир Владимирович. Тот самый эксперт КГБ, который два года назад помог Дронго во время операции против действий мафии в Закавказье. В отличие от Купцевича он почти не изменился. Впрочем, в пожилые годы люди гораздо меньше подвержены переменам, чем в молодости. После шестидесяти внешние отличия уже не столь существенны. Оболочка словно консервируется, тогда как внутри идет стремительный процесс общего разрушения.

Когда все расселись вокруг стола и Дронго достал специально отложенные для подобного случая две бутылки настоящего грузинского вина, начались первые тосты за погибших и за оставшихся друзей. Когда пили за погибших, Дронго встретился со взглядом Купцевича. Тот кивнул. Он знал о смерти Натали. Дронго чуть задержал дыхание и выпил залпом весь стакан, чего никогда себе не позволял.

И только после третьего стакана он ернически спросил:

– Вы, наверное, случайно встретились и решили меня разыграть, приехав сюда?

– Не надо... – покачал головой Купцевич, – ты все отлично понимаешь.

– Да. Квасневский оказался не такой дурак, как Валенса. Он правильно решил распорядиться оставшимися кадрами, и ты снова на службе.

– Точно. Даже восстановили в звании полковника польской разведки. Правда, я честно предупредил Владимира Владимировича и его коллег, что польская разведка изменила основные направления своей работы, переориентировавшись с Запада на Восток. Ты понимаешь, о чем я говорю.

– Да. Но тем не менее ты все-таки приехал в Москву. Значит, только очень важное обстоятельство могло погнать тебя в столицу России. Давай я немного погадаю. Судя по составу, в котором вы пришли, речь идет о достаточно серьезной операции, которую нужно провести в России или в странах СНГ. Скорее второе, так как Владимир Владимирович, насколько

я помню, специализировался на ближнем зарубежье. Очевидно, польская разведка получила информацию, которую решила довести до сведения российской разведки. А те, в свою очередь, решили снова выйти на меня. Все правильно?

– Я же говорил, что он в великолепной форме, – радостно заявил Адам, обращаясь к Владимиру Владимировичу.

– Нет, – покачал головой Дронго, – не получится.

– Что не получится? – спросил Купцевич.

– Все. Я эти игры закончил. Меня едва не убили перед выборами в России, посчитав, что я слишком много знаю. А потом меня отправили телохранителем американского композитора, решив, что я могу быть приманкой для Ястреба. Того самого, которого я уже однажды брал в Бразилии. С меня достаточно. У меня есть немного денег, кстати, обещанный гонорар за последнюю операцию я получил наполовину: организация, которая меня нанимала, приказала долго жить, и не без моего участия. Я в какой-то мере обрубил сук, на котором сидел. Но даже того, что я имею, хватит на долгие годы. В политику и в разведку я не вернусь. Надоело.

Владимир Владимирович достал носовой платок, вытер губы:

– Хорошее вино, – с уважением сказал он, – у вас всегда был неплохой вкус. Чтобы получилось хорошее вино, нужно особое терпение, так, кажется, говорят на Кавказе?

– Вы пришли только для того, чтобы сообщить мне это? – улыбнулся Дронго.

– Не только. Речь идет не о наших прихотях. И не об интересах какой-либо разведки или стороны. Речь идет о миллионах людей, которые могут здорово пострадать из-за наших с вами ошибок или амбиций.

Дронго посмотрел на Купцевича. Тот мрачно кивнул. Перевел взгляд на Владимира Владимировича.

– Какой-нибудь террористический акт? – хмуро спросил он.

– Мы пока не уверены, – честно признался Владимир Владимирович, – просто наши польские коллеги вышли на одну группу, работающую в Европе. Она состоит в основном из бывших офицеров КГБ, возглавляет группу бывший подполковник КГБ. По документам он проходит как Йозас Груодис, хотя в ФСБ, наверное, известно и его настоящее имя. В группу входят неплохие профессионалы, судя по нескольким заданиям, которые им поручали. Так вот, по сведениям польской разведки, в настоящее время группа готовит мощный террористический акт на нашей территории. А наша контрразведка даже не знает, где именно.

– Понятно, – нахмурился Дронго, – вы думаете, что бывших ваших коллег должен искать именно я?

– Это очень опасная группа, – вставил Купцевич, – по-моему, тебе следует согласиться.

– А по-моему, наивно полагать, что один человек может справиться с целой группой профессионалов, – пожал плечами Дронго, – или вы что-то не договариваете.

– Я не уполномочен вести никакие переговоры, – честно признался Владимир Владимирович, – просто приехал передать вам приглашение нового руководства ФСБ.

– Нет, – резко возразил Дронго, – никаких приглашений. Все кончено. Я вышел на пенсию.

– А что тогда говорить обо мне? – Купцевич показал на свою палочку. – Я старше тебя. И к тому же инвалид. По-твоему, я должен был оставаться сторожем в краковском музее?

– Это твое личное дело, – упрямо сказал Дронго, – ты присягал Польше, которая по-прежнему существует. Страны, которой я присягал, нет. Значит, все эти разговоры никому не нужны.

– Речь идет о людях, – снова вмешался Владимир Владимирович, – и, судя по той настойчивости, с которой вас ищут, им нужны именно вы. Возможно, что речь идет о людях либо обстоятельствах, вам хорошо знакомых. Вы профессионал, Дронго, и понимаете, что вас не стали бы разыскивать просто так. Очевидно, обстоятельства требуют вашего участия.

– Что вам нужно? – устало спросил Дронго. – Неужели вы не поняли, что я больше никому не нужен. Я реликт, динозавр, который еще не вымер. «Совок», так и оставшийся «совком» с советским образом мышления и отношением к людям.

– Это слова, – мягко возразил Купцевич, – Владимир Владимирович прав. Речь идет о людях.

– Вы уговариваете меня так, словно я девица на выданье, – пошутил Дронго, – хорошо, я встречу с кем-нибудь из руководства ФСБ, чтобы только доставить вам удовольствие.

Он протянул руку, чтобы разлить вино по стаканам, когда Владимир Владимирович вдруг сказал:

– Кстати, в группу Груодиса входит и Аркадий Галинский, бывший резидент КГБ в Австрии. Тогда ведь именно из-за него погибли Марк Ленарт и Натали Брэй.

Дронго посмотрел на Купцевича. И вдруг с удивлением почувствовал, как дрожит его рука.

– Когда я могу поехать в СВР? – вдруг глухо спросил он.

– Завтра, – отозвался Владимир Владимирович, – завтра утром.

Глава 3

Ресторан «Арагви» по-прежнему таил в себе необъяснимое очарование. Уже появились рестораны высшего класса, включающие в свои меню всю гамму вкусовых ощущений от японской камамуши до испанской паэли. Уже появились французские, турецкие, немецкие повара, сочетающие мастерство с особым изыском в оформлении блюд. Но «Арагви» оставался тем же самым легендарным рестораном, залы которого хранили память о многих знаменитостях, любивших обедать в этом, одном из самых престижных заведений ушедшего времени. При «Хозяине» ресторан считался не просто престижным, он был по-настоящему элитарным, чья кухня славилась по всей стране. В семидесятые годы здесь любили сиживать «цеховики», обладавшие невероятными по тем масштабам деньгами. И, наконец, в девяностые «Арагви» стал просто обычным традиционным недорогим рестораном, каких было много по всей Москве. Но само его название и легенды, с ним связанные, оставались своеобразной визитной карточкой многими любимого заведения.

И в этот раз Давид Алексидзе обедал, как всегда, в левом зале. Ему нравился этот зал, расписанный картинками из жизни его родного Тбилиси, по которому он так тосковал. В те дни, когда они уходили из города, он даже не мог представить себе, что покидает свой любимый Тбилиси на столько лет. Они уходили, отстреливаясь, оставаясь свидетелями и участниками кровавого кошмара, который пришел в конце девяносто первого года и назывался гражданской войной.

Тогда он отступал со сторонниками бывшего президента Гамсахурдии. Полковник госбезопасности Давид Алексидзе никогда не был горячим поклонником свергнутого президента. Более того, когда Гамсахурдия числился диссидентом, сам Алексидзе был по другую сторону барьера, уже в звании старшего лейтенанта в органах госбезопасности Грузии. Так продолжалось до того момента, пока бывший правозащитник и бывший раскаявшийся диссидент Звиад Гамсахурдия не был избран президентом. А Давид Алексидзе стал одним из руководителей его личной охраны.

Алексидзе искренне считал, что служит не президенту, а своему народу, избравшему этого человека на столь высокий пост. И оставался верен ему даже тогда, когда большинство его бывших друзей перешло на другую сторону. В трагические декабрьские дни девяносто первого полковник Давид Алексидзе защищал до последней возможности законно избранного президента, а затем ушел вместе с его отрядом. Лишь когда они покинули Грузию, он посчитал себя вправе уйти и сказал об этом свергнутому Гамсахурдии. Тот обиженно ответил, что никого не собираются удерживать. С тех пор бывший полковник КГБ Давид Алексидзе жил в Москве. Ему было сорок три. С тех пор прошло четыре года. Он постарел, похудел. Черты лица заострились, красивая черная шевелюра поседела, над переносицей появились глубокие морщины.

Сначала было трудно, очень трудно. Но постепенно жизнь налаживалась, друзья помогли устроиться в один из коммерческих банков, и через год он стал руководителем службы его охраны. Приобрел автомобиль. Еще через год купил квартиру в столице и вызвал семью, которую не видел несколько лет.

Теперь, сидя за столиком, он молча слушал своего собеседника, не пытаясь прервать его многословную речь.

– Поймите меня правильно, – вкрадчиво говорил тот, – нам нужны такие люди, как вы. Храбрые и смелые. Вы уже столько лет в Москве, а только в прошлом году смогли купить двухкомнатную квартиру на окраине города и вызвать сюда семью. И это с вашим колоссальным опытом! Работать в охране коммерческого банка – не для людей такого масштаба, как вы, уважаемый Давид.

Алексидзе молча жевал хлеб.

– Мы гарантируем вам возвращение на родину, – убеждал собеседник, – устройство на работу по специальности. И, наконец, неплохие деньги, которые всегда могут пригодиться.

Алексидзе продолжал молча есть, глядя в лисье лицо сидевшего перед ним человека. Тот ошибочно принял молчание за согласие. Люди, подверженные низменным страстям, всегда охотнее видят в другом человеке свое подобие, чем берутся предполагать обратное. Порочный человек убежден, что подобной порочностью заражены все вокруг и трудно найти чистую душу.

– Значит, мы договорились?

Алексидзе положил вилку, отодвинул тарелку, спокойно поднял бокал вина.

– Нет, – коротко сказал он, медленно выпивая вино. Собеседнику пришлось терпеливо ждать, пока он допьет свой бокал.

– Почему? – немного нервно спросил он. – Что вас не устраивает? Вы вернетесь в свой город, получите работу, снова будете жить в своем доме. И за это вам еще будут платить. Что же вам еще нужно?

– Мне не нравится, что подобное предложение исходит от вас, – честно сказал Алексидзе, – я догадываюсь, почему вы так хотите, чтобы я вернулся в Грузию. Но вы, видимо, ошиблись и сделали неправильные выводы из моей биографии.

– Нам ничего не рассказывали, – очень тихо произнес неприятный тип, осторожно оглядываясь по сторонам, – мы просто считали, что вы захотите вернуться в Тбилиси.

– Но не таким путем. Вы хотите, чтобы я стал вашим сообщником или компаньоном. Думаете, я ничего не понимаю? Узнали, что я работал в охране Звиада Гамсахурдии и решили, что могу стать вашим сообщником, так как не люблю нынешний режим в Грузии. А я служил не Гамсахурдии. Я просто работал в охране президента. И никогда и ни за что не буду работать на таких, как вы. Даже если мне не очень нравятся те, кто сидит сегодня в Грузии. И даже если буду умирать с голода и нуждаться в куске хлеба.

Собеседник чуть усмехнулся, посмотрев с заметным сожалением на сидевшего перед ним Давида Алексидзе.

– Вы идеалист, – сказал он, – таких, как вы, уже нет. Я думал, в бывшем КГБ их тоже не было. Видимо, я ошибался. До свидания. Может, я оставлю свой телефон?

– В этом нет необходимости, – твердо сказал Алексидзе.

– Всего хорошего. – Его собеседник вышел из зала, поднялся по ступенькам наверх, в гардероб. Уже на улице, перейдя через дорогу, он подошел к темно-синему «Ауди». Оглянувшись, сел на заднее сиденье, где уже находился один пассажир.

– Ну что? – спросил пассажир. Он был в темных очках.

– Он не согласился. Говорит, что не хочет работать против Грузии.

– Больше ничего не сказал?

– Сказал, что мы ошиблись, посчитав, что он может стать нашим компаньоном.

– Он тебя вычислил.

– Но...

– Он тебя вычислил. У тебя уже вторая неудача. По-моему, это многовато.

– Только вторая. Во всех остальных случаях все было нормально.

– Все равно много. Сам знаешь, что тебе нужно делать или подсказать?

– Знаю.

– Прямо сегодня. Постарайся хоть это сделать нормально.

Алексидзе заканчивал ужин. Он любил иногда посидеть в «Арагви», словно здесь была частичка той самой Грузии, которую он потерял. Но на этот раз на душе было беспокойно. Почему эти подонки решили, что они могут доверять именно ему, Давиду Алексидзе? И какими возможностями они располагают, если могут даже вернуть его на прежнее место? Эти

вопросы волновали его более всех остальных. Он заплатил по счету, оставив, как обычно, щедрые чаевые, и пошел к выходу.

Право на ношение оружия у него было зарегистрировано по всей форме, и пистолет привычно давил с левого бока. Он никогда не приезжал сюда на своем автомобиле. Вот и сейчас, выйдя из ресторана, он прошел площадь перед памятником Юрию Долгорукому, миновал книжный магазин «Москва» и направился к ближайшей станции метро.

К своему дому он подошел спустя два часа. Во дворе привычно сидели старушки, обсуждавшие последние новости. Бегали дети. Было уже довольно темно, когда он вошел в подъезд. И неожиданно почувствовал нечто тревожное. Именно почувствовал – в подъезде была необычная концентрация устоявшегося табачного дыма. Здесь пахло всем, чем обычно пахнет в московских подъездах. Немного мочой, немного сигаретным дымом, немного гнилыми продуктами, словно специально брошенными под лестницу, немного пылью. Но сегодня в подъезде стоял устойчивый запах табачного дыма, который возникает тогда, когда наверху, на первой лестничной площадке, где висят почтовые ящики, долго стоит человек, который кого-то ждет.

Алексидзе осторожно достал пистолет. Замер, прислушиваясь. Наверху определенно кто-то стоял. Сзади послышались шаги. Давид обернулся. В подъезд вошел старик, живущий на последнем этаже. Он кивнул Алексидзе и, держась за перила лестницы, начал подниматься.

Давид слушал, прижавшись к стене. Старик повернул за угол, поднимаясь на следующий лестничный пролет. Алексидзе осторожно поднимался следом. Если он прав, неизвестный должен сейчас обязательно показаться. И действительно, через мгновение за спиной старика выросла темная фигура. Сомнений не было: незнакомец держал в руках оружие. Старик испуганно обернулся, и неизвестный быстро опустил пистолет, поняв, что ошибается.

Старик, даже не осознав, что чудом избежал смерти, стал подниматься дальше. Неизвестный что-то пробормотал и обернулся. Прямо в лицо ему смотрело дуло пистолета Давида Алексидзе. Что бы ни говорили после развала страны, а в прежнем КГБ умели готовить кадры. Полковник просчитал все правильно.

– Ты ошибся, – сурово сказал он, держа пистолет в вытянутой руке.

Киллер держал оружие в руках, но понимал, что любой его жест будет последним. И стоял, замерев, глядя прямо в дуло пистолета Алексидзе.

– Брось пистолет, – велел Алексидзе, – но без лишних движений. Просто разожми руки. Киллер осторожно отпустил пистолет. Тот глухо ударился об пол, отлетев в сторону.

– Кто? – спросил Алексидзе.

Киллер молчал.

– Мне нужно его имя, – строго сказал Давид, – его настоящее имя. У тебя есть пять секунд. Мне терять нечего.

Киллер облизнул губы. Умирать очень не хотелось.

– Раз...

Киллер оглянулся. Похоже, этот сумасшедший действительно будет стрелять.

– Два... Три...

Спасения не было. У него оставалось только две секунды.

– Четыре...

– Стой, – выкрикнул террорист, – меня послал Хромой Гиви.

Уже одного этого имени было достаточно, чтобы Алексидзе все понял. Хромой Гиви был известным вором в законе – Гиви Кобахидзе. По сведениям грузинского КГБ, он еще в восьмидесятые годы довольно активно занимался наркобизнесом, контролируя большую часть наркотиков, поступающих в Абхазию и Грузию. Он был одним из немногих авторитетов, сумевших удержаться на плаву после распада Империи. Борьба за рынки шла ожесточенная, стариков отчаянно теснили молодые и нахрапистые соперники. Имя хромого Гиви означало, что Алексидзе не ошибся, предполагая, кто стоит за предложением, сделанным ему два часа назад в

«Арагви». Но это означало и другое. Отныне Давид и его семья были приговорены. Даже если он сейчас убьет этого горе-киллера.

– Уходи, – приказал Алексидзе, опуская пистолет. И в этот момент киллер внезапно прыгнул. Он был не просто убийца. Он был хорошо тренированный убийца, бывший десантник. И у полковника не было бы ни одного шанса, если бы его сопернику удалось выбить у него из рук оружие. Но полковник знал, как нужно действовать. Он прикрыл руку с пистолетом своим телом, и удар пришелся в плечо. Уже в падении Давид выстрелил три раза. Последний выстрел достиг цели: пуля попала киллеру в голову. Тот свалился всей массой, словно внезапно лишился своего стержня. И, уже мертвый, покатился на полковника, сбивая того с ног.

Так они и лежали на лестничной площадке, пока испуганные соседи не вызвали милицию. А пока бывший полковник КГБ Давид Алексидзе принимал решение. Выхода у него не было. Был, возможно, только один шанс, который мог вытащить всю его семью и его самого. Именно этот шанс он и решил использовать.

Глава 4

Он и раньше несколько раз бывал в этом здании. Времена менялись, а здание продолжало служить контрразведке. Принимающий его генерал в штатском был непозволительно молод и элегантен, что по прежним временам считалось почти пороком. Генералу было лет сорок – сорок пять, и он являлся наиболее перспективным руководителем среди всех многочисленных генералов ФСБ. Только недавно переведенный на эту должность, генерал Жернаков был известен своими широкими связями в правительственных и президентских кругах, что в немалой степени помогало ему делать карьеру.

Глядя на сидевшего перед ним широкоплечего мрачного незнакомца лет сорока, генерал недоумевал: почему именно этого типа считают лучшим из аналитиков, когда-либо сотрудничавших с КГБ? Почему его так ценят в ООН? И, наконец, почему он всегда идет под этой нелепой кличкой Дронго, как будто у него нет своего настоящего имени? С другой стороны, генерал успел уже ознакомиться с некоторыми материалами и знал, что сидевший перед ним человек умеет работать на результат, почти всегда успешный, обладая редким для разведчиков везением.

– Мы хотели с вами встретиться, – заговорил Жернаков, – чтобы предложить вам сотрудничество. Наш бывший директор Примаков отзывается о вас как о редком специалисте.

Дронго молчал. Он помнил, почему получил подобную характеристику. И не собирался рассуждать на эту тему.

– Вы знаете, что я возглавляю южное направление нашего ведомства, – чуть улыбнулся Жернаков, – и нам важно знать, что происходит в соседних с нами странах, а учитывая нестабильность на Кавказе, значение информации возрастает многократно. Мне говорили, что вы знаете местные языки.

– Некоторые знаю.

– Прекрасно. Для нас важно, чтобы вы дали согласие на эту командировку. Мне говорили также, что среди людей, которых мы ищем, есть и ваши личные знакомые.

– Возможно. – Дронго не любил молодых генералов. Они всегда были наглее и напористее пожилых, словно генеральские погоны давали им авансом, который они должны были отработать.

В кабинете появился мужчина лет пятидесяти или около того. Дронго профессионально отметил его внимательный взгляд, крепкое рукопожатие, спокойный уверенный голос, скупые, рациональные жесты, стертую внешность, будто по лицу провели резинкой, снимая наиболее характерные черты, что было крайне важно для разведчика. Вместе с тем, это был уверенный в себе, крепкий человек со своим представлением о жизни. Дронго он сразу понравился.

– Сергей Сергеевич, – представился незнакомец.

– Полковник Савельев, – сказал Жернаков. – Он будет работать с вами. Так сказать, координировать ваши усилия. Он и введет вас в курс дела.

Это был не тот, кто звонил Дронго вчера по телефону. Начальники обычно не звонят агентам или экспертам, даже такого класса, как Дронго. Звонивший, возможно, был его заместителем. Савельев не стал спрашивать, как зовут самого Дронго. Очевидно, он знал о том, что тот не любил представляться по имени.

Полковник сел напротив, раскрыл папку, посмотрел на Жернакова. Тот кивнул.

– В последнее время, – начал Савельев, – ФСБ получила несколько сигналов об активизации преступных группировок, связанных с торговлей наркотиками. Дронго несколько удивило такое начало. Он ожидал другого. Но, верный своим принципам, не перебивая, молча слушал.

– Мы обратили внимание, что активизация их деятельности усилилась в последние два месяца. Причем основная часть наркотиков по-прежнему идет через Кавказ и Среднюю Азию.

И если в Казахстане и Киргизии нам удалось наладить хоть какой-то контроль, то положение на кавказских границах вызывает тревогу. Там все куплено, и замешанными оказались даже некоторые наши военные. Их заслоны на грузинской и азербайджанской границах беспрепятственно пропускают любой груз. Раньше мы думали, что это только оружие для чеченских боевиков. Теперь видим: масштабы деятельности мафии во время войны не только не сокращены, наоборот, мафия активизировалась.

– Этого следовало ожидать, – подал наконец голос Дронго, – война стимулирует всю нечисть, создавая выгодные условия.

– Вот именно, – кивнул Савельев, – и мы решили вплотную заняться этим вопросом, закрыть наши южные границы. Поставки в Москву идут через группу Гиви Кобахидзе, – полковник протянул фотографию, – он довольно известный бандит, вор в законе, давно занимается этим ремеслом, в свое время был осведомителем КГБ и счастливо избежал разборок, которые прошли в Москве в начале девяностых. Судя по всему, у него остались неплохие связи с бывшими офицерами КГБ, уже не работающими в наших ведомствах. В Москве он известен под именем Хромого Гиви. Это Леонид Матюхин, – полковник подал еще одну фотографию, – глава «долгопрудненской» преступной группировки. По нашей информации, его люди получают товар у Хромого Гиви и отвечают за переброску его в Западную Европу.

– Симпатичные лица, – поморщился Дронго, – но я пока не вижу связи с моим вызовом.

– Месяц назад в Москве был убит подполковник Абрамов. – Савельев передал следующую фотографию. – Прежде он работал в МВД Азербайджана и уехал из Баку после девяностого года. Армянин по национальности, в Москве работал в одной из коммерческих структур. Мы бы не стали связывать его убийство с прежней работой в Баку, если бы не одно обстоятельство. Жена Абрамова азербайджанка. И, переехав сюда, он отошел от политики. Но за день до смерти сказал супруге, что ему предлагают работу по прежней специальности. И еще... – Полковник порылся в папке и нашел четвертую фотографию. – Это бывший полковник грузинского КГБ Давид Алексидзе. Через несколько дней после смерти Абрамова ему сделали аналогичное предложение. В девяносто втором он уехал из Грузии, так как работал в охране бывшего президента Грузии Звиада Гамсахурдии. До этого работал в КГБ. Так вот. С ним встретились представители Хромого Гиви и предложили вернуться на прежнее место службы.

Дронго с изумлением посмотрел на говорившего.

– Да, да. Именно, – подтвердил Савельев, – они гарантировали возвращение Алексидзе и его устройство в охрану самого Шеварднадзе. Но предлагали сотрудничество. Алексидзе наотрез отказался. И вечером к нему послали киллера.

– Он тоже погиб?

– Нет. Он выстрелил первым. Но перед смертью киллера Алексидзе узнал, кто того послал. Хромым Гиви. Сейчас ФСБ прячет полковника и его семью. Сам Давид Алексидзе убежден, что предложение было вполне серьезным и его действительно хотели вернуть в Грузию. И вот здесь наши интересы начали совпадать с интересами наших коллег из СВР. Почему мафия хочет вернуть бывшего полковника Давида Алексидзе в Тбилиси? И почему именно в охрану Шеварднадзе? И какое предложение было сделано Абрамову? Его не могли вернуть в Баку. Значит, хотели использовать его опыт. А он, работая в МВД, как раз занимался делами о поставках наркотиков.

Дронго задумчиво смотрел на лежавшие перед ним фотографии. Жернаков следил за ним. Ему был интересен ход мыслей этого эксперта, внешне почти безучастного к рассказу полковника.

– И, наконец, главное. Люди из преступной группировки Матюхина, или Матюни, связаны с бывшими офицерами КГБ и МВД, которые обосновались в Прибалтике и странах Восточной Европы. Мы как раз следили за такой группировкой, когда выяснилось, что связанные Матюхина встречаются с интересующими нас людьми. Это своеобразная группа профессио-

нальных наемных убийц, в которую входят очень подготовленные сотрудники бывшего КГБ и МВД. Возглавляет группу Йозас Груодис. Настоящее его имя Витаутас Гутаускас. Он действительно раньше работал в ПГУ и был неплохим специалистом. Я дам вам его личное дело, – добавил Савельев, протягивая следующую фотографию, – вот его последний снимок, имеющийся у нас.

Дронго внимательно всмотрелся в незнакомое лицо. К счастью, он не встречался раньше с этим человеком.

– Мы получили сведения и от польской разведки, подтверждающей, что группа Груодиса готовит на нашей территории какой-то террористический акт. Но где, когда и против кого, пока не знаем, – вмешался генерал Жернаков, – поэтому мы заинтересованы как можно скорее установить все подробности.

– Судя по всему, акция группы Груодиса связана с кавказскими событиями, – добавил Савельев, – убийство Абрамова, покушение на Алексидзе, предложение, которое было сделано Алексидзе, и необычная связь групп Хромого Гиви и Матюни с группой Груодиса указывают на возможный характер акции. Судя по всему, это не просто заказ мафии. Наоборот, группа Груодиса именно через мафию пытается найти возможных исполнителей террористического акта. Они сами вышли на группу Матюхина и через них на Кобахидзе. Очевидно, просчитали, что таким образом им удобнее будет действовать.

– Мне нужны будут все данные, – мрачно подвел итог Дронго, – все данные по деятельности преступных групп. Их состав, возможные явки, предыдущая деятельность.

– Конечно, – кивнул Жернаков.

– Отдельно выделите, с кем именно сотрудничал раньше Кобахидзе в органах КГБ, – продолжал Дронго.

Жернаков недовольно посмотрел на Савельева. Это они обязаны были выяснить в первую очередь, не дожидаясь подсказки нового эксперта.

– Где они встречаются? – продолжал Дронго, будто не замечая недовольного взгляда генерала.

– Обычно в Германии, – ответил Савельев, – туда приезжают люди Матюхина и встречаются с кем-нибудь из людей Груодиса. Те отвечают за безопасность грузов. Хотя точно мы ничего не знаем. По некоторым данным, встречи происходят в разных городах Германии. Мы собираемся в этот раз тщательно проконтролировать весь путь связного от Москвы до Германии. И выяснить, где они собираются встречаться. Во всяком случае, у Матюхина есть свой канал связи с группой Груодиса. Это не вызывает никаких сомнений.

– Какие-нибудь данные по группе Груодиса у вас есть? – поинтересовался Дронго.

– Да, – кивнул Савельев, – некоторых членов его группы мы знаем. Вот их фотографии. Он передал еще несколько снимков.

– Мирослав Купча, бывший майор Седьмого управления КГБ СССР. Уволен из органов КГБ еще в девяностом году. Выяснилось, что он нечист на руку.

– Он занимался наружным наблюдением? Седьмое управление занималось именно этими вопросами? Я не путаю?

Жернаков и Савельев переглянулись. Этот эксперт ничего не путал. Ему были известны даже такие детали, которые могли знать только работавшие в прежнем КГБ офицеры.

– Не путаете, – сказал Савельев. – Но он был замешан в связях с торговцами иконами. И потому майора уволили. Правда, ничего конкретного доказать так и не смогли. Это бывший подполковник Пискунов. Работал в двенадцатом отделе КГБ СССР. Прекрасный был специалист. Уволен из КГБ во время «бакатинских чисток».

– Какими вопросами он занимался в своем отделе? – уточнил Дронго².

² В бывшем КГБ СССР существовало четыре главных управления, составляющих разведку, контрразведку, пограничные

– Пискунов был настоящим мастером по части прослушивания. Он имел хорошее образование, стажировался в Англии.

– Довольно приличная компания, – кивнул Дронго, – своеобразный мини-КГБ.

– Вот именно, – признался Жернаков, – все эти бывшие офицеры – люди, забывшие о присяге.

Дронго с удивлением посмотрел на генерала, но не стал ему возражать.

– Самый опасный тип в группе Груодиса, – передал еще одну фотографию Савельев, – Никита Корсунов, майор Второго главного управления КГБ. Уволен в ноябре девяносто первого. Он входил в особую группу ликвидаторов. Вы меня понимаете?

– Профессиональный убийца?

– Да, – нехотя признался Савельев, – вот еще один наш бывший коллега. Аркадий Галинский. Бывший резидент ПГУ в Австрии. Уволен из органов за нечистоплотность.

С фотографии на Дронго смотрело знакомое лицо.

– Этого я знаю. Да, настоящий гадюшник. Кажется, нам будет интересно. – Он посмотрел на лежавшую перед ним кучу фотографий.

– С вами будут работать за рубежом, в Европе, представители Службы внешней разведки, – отметил Жернаков, – они и предоставили нам информацию о группе Груодиса. Учтите, мы не можем официально признать факт вашего существования. Речь может идти о действиях и в независимых странах СНГ. А там сейчас работать очень сложно. Любой намек на деятельность российских спецслужб воспринимается очень болезненно. Поэтому мы и решили прибегнуть к вашей помощи. При любом раскладе мы не возьмем на себя никаких гарантий вашего спасения. Вы должны об этом помнить.

– Приятная перспектива. А почему вы считаете, что речь идет о ближнем зарубежье? – спросил Дронго.

Жернаков посмотрел на Савельева.

– Это следует из логики нашего расследования, – ответил полковник, – их интересуют офицеры, ранее работавшие в органах КГБ и МВД на Кавказе. Значит, и акция, которую будет готовить группа Груодиса, должна иметь отношение к этому региону.

Дронго молчал. Он снова посмотрел на фотографии.

– И не забудьте, – добавил генерал, – что на этот раз против вас будут действовать профессионалы КГБ, прошедшие неплохую подготовку. Надеюсь, вы понимаете всю сложность стоящей перед вами задачи?

войска и службы связи. Позже, уже в новой России, все четыре ведомства стали самостоятельными – Служба внешней разведки, Федеральная служба безопасности, Федеральная служба пограничных войск и ФАПСИ – Федеральное агентство правительственной связи. Однако в КГБ СССР были и просто управления и отделы. Шестой отдел, к примеру, занимался перехватом почтовой корреспонденции, десятый отдел – архивами, а двенадцатый – прослушиванием телефонных разговоров. В свою очередь, в самих главных управлениях были свои собственные отделы. Так, например, в ПГУ шестой отдел курировал вопросы Китая и Вьетнама, тогда как десятый занимался вопросами франкоязычных стран Африки. (Прим. автора.)

Глава 5

Груодис огляделся. В маленьком уютном Майнце все, казалось, дышало размеренностью и порядком. словно вылизанный, город жил по своим строгим европейским нормам, когда утренний кофе и привычные газеты ждали его обывателей уже в седьмом часу утра, а стекла и витрины магазинчиков словно устраивали состязание на большую зеркальность своих рядов. В этой сытой и упорядоченной жизни все давно уже забыли об ужасах войны или тяготах неустроенности. Здесь был свой привычный бургерский рай. Построенный к тому же руками человека.

– Когда вы собираетесь начинать? – спросил его собеседник. Они условились встретиться именно здесь, чтобы окончательно обговорить все детали.

– Мы уже начали, – кивнул Груодис, – не забывайте, что мы обязаны провести соответствующую подготовительную работу.

– И поэтому решили связаться с бандитами, – поморщился посланец Трапатони, некий Карл Штейнбах, который привез для встречи с Груодисом номера банковских счетов, куда были переведены деньги для группы. Он объявил, что готов присоединиться к группе для координации ее действий.

– Откуда вы знаете? – удивился Груодис. – И потом, это не ваше дело. Мы ведем подготовку так, как считаем нужным.

– Не совсем, – возразил Штейнбах, высокий долговязый мужчина, с лицом землистого цвета, что свидетельствовало о болезни почек. Это впечатление усиливалось и от несколько выпученных глаз и впалых щек говорившего. – Все дело в том, что эти люди привлекли к себе внимание Федеральной контрразведки русских.

– Откуда вы знаете? – снова тревожно спросил Груодис, бросая подозрительный взгляд на сидевшего перед ним человека. – Вы получаете собственную информацию из Москвы?

Штейнбах улыбнулся, показывая крупные редкие зубы. Он улыбался странно, как лошадь, чуть поднимая верхнюю губу.

– А вы думаете, что мы ориентируемся только на ваши источники? Мы привыкли дублировать все наши действия.

Груодис промолчал. Он отпил из стоявшей перед ним кружки пива и, успокаиваясь, спросил:

– Что из этого следует?

– Они заинтересовались людьми, через которых вы пытались выйти на бывших сотрудников КГБ и МВД. Кстати, группы, с которыми вы решили установить связь, находятся под конкретным наблюдением ФСБ. Более того, двое из тех, кому было сделано предложение, отклонили его. В результате один был убит, а второго убить не смогли. И он все рассказал представителям ФСБ. Вы понимаете, как заинтересованно теперь они занимаются всей операцией?

– Да, – угрюмо сказал Груодис. «Чертов Купча», – подумал он с досадой. Это Мирослав настоял на использовании своих старых связей и задействовал бывшего осведомителя КГБ Матюхина. Но вслух Груодис ничего не сказал.

– В результате принято решение привлечь к этому расследованию бывшего аналитика и эксперта, который раньше имел очень неплохие результаты в расследовании подобных дел. Он «вольный стрелок», и это усложняет охоту за ним. Хотя, по нашим данным, на территории Европы ему будут помогать сотрудники российской разведки.

– «Вольный стрелок»? – не понял Груодис. – Кто это такой? Может, я слышал о нем?

– Надеюсь, да. Это Дронго. – Штейнбах следил за реакцией Груодиса. Тот, несмотря на всю свою подготовку, невольно дернул рукой.

– Он еще жив? – изумился Груодис. – Я думал, он давно погиб.

– Жив. И на этот раз будет работать против вашей группы. По-моему, вы должны гордиться. Противостоять вам будет один из лучших профессионалов в мире. Настоящий миф вашего бывшего КГБ.

– Дронго, – прошептал Груодис, – он действительно был самым лучшим среди всех остальных. Но я считал, что его нет в живых.

– Очевидно, они попытаются выйти на вас через связного, которого вам пришлют из Москвы ваши необычные партнеры. Кстати, почему вы решили обратиться именно к ним? Неужели вы, с вашим опытом и знаниями, не понимали, что это люди, за которыми всегда наиболее пристально следят спецслужбы?

– Мне нужны свои люди там, на месте, – ответил Груодис, – а у них очень неплохие связи. И вполне подготовленные работники.

– Не знаю. По-моему, это ненужный риск. Впрочем, вам виднее. Я забыл сказать, что двенадцатого июня буду вместе с вами в том городе, где должна закончиться наша операция. Мне выдали визу и дают аккредитацию в группе наблюдателей от Европейского сообщества. Надеюсь, вы не возражаете против моего присутствия?

– Как вам будет удобно, – пожал плечами Груодис, – мы вылетим в начале июня. Но один из наших людей вылетит завтра, чтобы все подготовить на месте.

– Разумно, – кивнул Штейнбах, – с документами у вас, надеюсь, нет никаких проблем? Бывших граждан СССР туда пускают безо всякой визы. Но если у вас литовский паспорт...

– У меня российский паспорт, – перебил Груодис, – не нужно так сильно вдаваться в детали, герр Штейнбах. Это наше дело, каким образом проводить операцию. Ваша сторона должна только исправно вносить деньги.

– Согласен, – снова улыбнулся верхней губой Штейнбах.

– В любом случае спасибо за предупреждение. Теперь я буду знать, что вы связаны и с российскими спецслужбами. Ситуация становится просто фантазмагоричной, – с издевкой произнес Груодис, глядя в глаза своего собеседника.

Тот, казалось, не смутился.

– Я думаю, вы и раньше подозревали, что у нас есть такие связи, которые позволили, во-первых, выйти на вашу группу, а во-вторых, сделать все, чтобы максимально облегчить вам работу. По-моему, никаких поводов для беспокойства у вас быть не должно.

– Исключая один момент, – вставил Груодис.

– Какой?

– Мы можем в любой момент ожидать, что вы также легко снова войдете в контакт с российскими спецслужбами, чтобы сдать всю нашу группу.

Молчание длилось ровно пять секунд. Затем Карл Штейнбах потянулся за своим пивом. И обнаружил, что его кружка пуста.

– Нет, – ровным голосом возразил он, – вы недооцениваете опасность, герр Груодис. Она может грянуть совсем с другой стороны.

– Что вы хотите этим сказать?

– Из вашей группы идет утечка информации, – на этот раз Штейнбах не улыбался. Он был более чем серьезен.

– Вы думаете, у нас есть предатель?

– Скорее негласный информатор, который даже не подозревает, что его используют. Во всяком случае, польской разведке стало известно о направлении деятельности вашей группы.

Груодис задумался. Он понял, почему такой убийственный козырь Штейнбах приберег на конец разговора. И, поняв, поднял руку, подзывая официанта.

– Еще пива, – попросил он и, обращаясь к своему собеседнику, добавил: – Спасибо за вашу информацию, герр Штейнбах. Кажется, ваша помощь будет для нашей группы очень кстати.

Глава 6

В этом городе он бывал много раз. Франкфурт-на-Майне был той самой центральной гаванью Германии и всей Европы, откуда уходили белоснежные лайнеры практически во все точки земного шара. Здесь был и главный пересадочный пункт для транзитных пассажиров. В гигантских терминалах невероятного по своим размерам аэропорта, спланированного с чисто немецкой педантичностью, неукоснительно поддерживался образцовый порядок.

Дронго огляделся. По договоренности с Москвой его должны были встречать. Но к нему никто не подходил. Спутать его с кем-то из пассажиров было почти невозможно. Он летел из Швеции, и большинство пассажиров были ярко выраженными скандинавами либо белокуроыми немцами, на фоне которых он был особенно заметен.

Он, пожав плечами, пошел к такси, что-бы отправиться в город, благо, багажа не было, если не считать небольшой сумки, в которой хранились только необходимые вещи. Уже у самой стоянки его догнал запыхавшийся молодой человек. Светлые волосы на его голове стояли торчком, он все время поправлял почему-то съезжающие с носа очки.

– Простите, вы из Стокгольма?

– Да. А вы наверняка из консульства, – кивнул Дронго, протягивая руку, – кажется, я жду именно вас.

– Извините, – пробормотал молодой человек, – здесь такие автомобильные пробки, я немного опоздал.

– Ничего, – усмехнулся Дронго, – все в порядке. У меня были ваши телефоны. Я бы сумел найти вас в любом случае. Как вас зовут?

– Кирилл. Кирилл Потапов. Машина стоит внизу. Идемте, – предложил молодой человек.

– Да, конечно, – кивнул Дронго. – По документам я Крылов. Можете так ко мне и обращаться. Крылов Сергей Александрович. Не смотрите такими удивленными глазами. Думаете, не похож?

– Не очень, – улыбнулся молодой человек.

– Что делать? – вздохнул Дронго. – Ваши коллеги-шпионы в Европе не любят ездить под своими именами. Вот мне и дали непонятный паспорт чужого человека. Хорошо еще, что вклеили мою фотографию.

Потапов рассмеялся, протягивая руку за сумкой Дронго. Тот покачал головой:

– Донесу сам, – сказал, улыбаясь.

Уже в автомобиле, когда они выехали на трассу, Потапов достал из своей папки несколько фотографий.

– Меня просили передать их вам. Это связной из банды Матюхина, некто Василий Перлов. Две судимости, шесть лет лагерей. В последнее время часто летает между Германией и Россией. Очевидно, один из главных связных.

– Мне говорили о нем, – подтвердил Дронго, – я видел его личное дело. Вчера он, кажется, прилетел из Москвы?

– Да.

– В каком отеле он остановился?

– «Висбаден», – сказал Потапов, напряженно всматриваясь вперед и пытаясь обогнать чей-то «БМВ», – это в самом центре.

– Где это находится? – нахмурился Дронго. Он неплохо знал Франкфурт, но про этот отель не слышал.

– На Базельштрассе, – пояснил Потапов, – отель маленький и очень дешевый. Одноместный номер стоит марок шестьдесят.

– У людей Матюхина нет денег? – иронично спросил Дронго.

– Есть. Но Перлов почему-то не любит селиться в дорогих отелях. У него особое пристрастие к азартным играм, и он предпочитает сэкономленные деньги оставлять в казино.

– Понятно. Надеюсь, вы меня там не поселите. Судя по цене, туалет в этом отеле вполне может оказаться в конце коридора.

– Нет, конечно, – засмеялся Потапов. Он был очень молод, и ему нравились эти игры. – Для вас заказан номер в отеле «Интерсити». Это в самом центре, рядом с вокзалом. Очень хороший отель. Вообще нельзя доверять отелям с громкими названиями. «Эден», «Централь», «Глория». Все это третьесортные заведения.

– Я знаю, – засмеялся Дронго, – однажды мне заказали номер в отеле «Савой» в Бонне. Оказалось, что это почти ночлежка. А в пятизвездочном отеле «Ройял Олимпик» в Афинах мне однажды дали темный номер со сломанной мебелью, без холодильника и с видом на мусорную свалку. С тех пор я предпочитаю селиться только в отелях известных компаний – «Хилтон», «Шератон», «Холлидей Инн». Так наверняка можно застраховаться от неприятностей. Хотя и здесь бывают проколы. Заказанный в Париже номер в отеле «Холлидей Инн», недалеко от Эйфелевой башни, оказался темным, маленьким номером мотеля, принадлежавшего известной компании. Пришлось срочно съезжать. А номер во всемирно известном «Пулицер», принадлежащем компании «Шератон», оказался настолько маленьким, что там с трудом помещалась кровать. Хотя в номере были и стол, и сейф, и мини-бар, и все остальные атрибуты пятизвездочного отеля. Зато номера в кувейтском отеле этой же компании поражают роскошью.

– Вы, кажется, объездили весь мир, – восхитился Потапов.

Дронго, посмотрев на сидевшего рядом с ним молодого человека, вдруг подмигнул ему:

– Кажется, вам нравятся эти игры в шпионов?

– А вам нет? – Потапов покраснел. Приезжий поймал его в элементарную психологическую ловушку, известную каждому разведчику. Когда твой собеседник долго говорит, ты поневоле расслабляешься, считая, что тот выбалтывает свои тайны, тогда как ты позволяешь ему это делать. И своим молчанием либо односложным ответом ты говоришь больше, чем вся речь умелого аналитика, внимательно следившего за тобой и много говорившего.

– Не обижайтесь, – примирительно сказал Дронго, – я просто не хотел, чтобы мне в очередной раз подставили какого-нибудь недоброжелателя. Я действительно останавливался во всех этих отелях. Я люблю путешествовать и уже побывал более чем в семидесяти странах.

– Я слышал о вас в разведшколе, – честно признался Потапов, – но представлял вас другим. У нас многие считали, что Дронго всего лишь красивая легенда. И вот теперь я вижу вас и не верю собственным глазам.

– Правильно делаете, – с досадой сказал Дронго, – красивая легенда всегда только сказка. А настоящая жизнь бывает куда сложнее и неприятнее. Как у вас со зрением? Я слышал, что подбор в разведшколы бывает достаточно строгим. Как вам удалось проскочить?

– У меня было прекрасное зрение, – пожал плечами Потапов, – два года назад, уже здесь, в Германии, я попал в автомобильную аварию и сильно ударился головой. С тех пор и ношу очки, хотя, вы правы, это, по-моему, не очень нравится моему руководству.

– А авария была преднамеренной, – понял Дронго.

– Видимо, да. Но об этом уже никто не узнает. Человек, за которым мы тогда следили, уже год как живет в Аргентине.

– Невесело, – подвел итог Дронго и, чтобы сменить тему разговора, спросил: – Кто следит за Перловым?

– Наш сотрудник.

– Один?

– Да. У нас не так много людей. Вернее, мы с ним сменяем друг друга.

– Понимаю. Он ни с кем еще не встречался?

– Нет. Но, судя по всему, готов к встрече. Сидит все время в отеле и, видимо, ждет телефонного звонка.

– Он раньше останавливался в этом отеле?

– Нет, не останавливался.

– К его телефону подключились?

– Конечно, – улыбнулся Потапов, – как только он пошел ужинать. Еще вчера. Мой напарник сидит в соседнем номере.

– Тогда давайте сразу поедem туда, – предложил Дронго, – за время вашей отлучки там могло произойти все, что угодно.

Через полчаса они подъезжали к отелю «Висбаден». Оставив автомобиль на соседней улице, оба вошли в отель и, миновав небольшой холл, оказались у лифта. Дронго посмотрел на часы.

– Сколько вы отсутствовали? – спросил он.

– Часа три, – улыбнулся Потапов. – Не волнуйтесь, когда я уезжал, Перлов спал.

Дронго молча посмотрел на молодого человека и нетерпеливо постучал костяшками пальцев по стенке кабины лифта.

В номер к напарнику Потапова они прошли осторожно, стараясь не шуметь. В конце коридора находился номер связного. Осторожно постучали. Дверь открылась почти сразу. Напарником Потапова оказался серьезный коренастый человек с ежиком коротко остриженных волос. Он стоял в майке и брюках, нетерпеливо переминаясь босыми ногами. Увидев пришедших, коротко кивнул, протянул руку, представляясь:

– Забраев. – Его рукопожатие было твердым и сильным.

– Крылов, – назвался Дронго.

Забраев снова кивнул. Он был опытным сотрудником, и его ничего не могло удивить.

– Что делает ваш подопечный? – Дронго прошел к столу.

– Спит, – пожал плечами Забраев, – я все время слышу его храп. Два раза ему звонили, но он не отвечал. Крепко спит.

– Может, так крепко, что и не проснется, – нахмурился Дронго.

– Нет, – улыбнулся Забраев, – просто вчера он крепко набрался в баре и сегодня спит. Уже второй час дня. Наверное, скоро проснется.

– Что вы установили в его номере?

– В его телефонный аппарат вставлен конденсаторный микропередатчик, работающий на высокой частоте. Но он включается только при разговоре для более четкого прослушивания беседы по телефону, – быстро сказал Забраев, – кроме этого, мы установили в его комнате кварцевый передатчик комнатного и телефонного наблюдения «РК-125-ZZ». Мы подключили к нему усилитель и теперь можем слышать все, что происходит в номере.

– Этот кварцевый передатчик работает на автомате?

– Конечно. Он передает телефонный разговор обеих сторон и автоматически переключается на комнатное наблюдение, когда разговор закончен и телефон отключен.

– Ясно. – Дронго ничего не добавлял, но оба напарника видели, что его что-то тревожит.

– Когда ему звонили в последний раз?

– Минут тридцать назад.

– Сколько было звонков?

– Шесть.

– И он не поднял трубку?

– Нет.

Дронго покачал головой.

– Он приехал сюда на встречу и не стал бы напиваться так сильно, чтобы не услышать телефонных звонков.

– Я сидел рядом, за соседним столиком, – обиженно заметил Забраев, – и видел, как он выпил пять кружек пива и бутылку водки. В одиночку. А потом встал и, пошатываясь, пошел в номер.

– Это ничего не значит. Он имел две судимости. Вы не знаете, где он отбывал срок?

– Нет, – удивился Забраев.

– А я знаю. Он сибиряк. И оба срока провел там, в сибирских колониях. А сибиряки народ крепкий. Для него бутылка водки – не показатель. Он не может спать так крепко, чтобы не услышать телефонный звонок. И тем более не взять трубку. Он ждет встречи, для этого срочно прилетел в Германию. Перлов вырос в поселении сосланных поволжских немцев и с тех пор неплохо знает немецкий. Поэтому его и прислал Матюхин. И такой человек спокойно спит, когда к нему звонят? Здесь что-то не так.

– Он ни с кем не разговаривал, – твердо сказал Забраев, – я ни на минуту не выходил отсюда. И все время прослушивался его номер. К нему никто не приходил.

– Не обязательно, чтобы приходили, – Дронго качнул головой, – в номере Перлова могли быть установлены детекторы подслушивающих устройств либо спектральные анализаторы, перехватывающие и подавляющие все сигналы ваших приборов.

Забраев и Потапов переглянулись.

– Мы используем только то, что нам дают, – с некоторой досадой сказал Забраев, – у нас нет другой техники.

– Я вас не виню. Спуститесь вниз, – попросил Потапова Дронго, – и предложите портье, чтобы в номер Перлова кто-нибудь отнес вашу записку.

– Какую записку?

– Просто чистую бумагу. Он ничего не поймет и будет нервничать, а мы узнаем, что происходит в его номере и почему его вдруг сморил такой сон.

Потапов вышел. Забраев быстро натянул на себя рубашку, надел носки. Дронго сидел за столом, внимательно слушая все звуки, поступающие из соседней комнаты. Потом покачал головой:

– Как же вы могли не обратить на это внимание? – обратился он к Забраеву. – Наш подопечный все время мирно храпит, словно не менял уже столько часов позы. Это невозможно. Когда был первый звонок?

– Сразу после отъезда Потапова в аэропорт, – выдавил Забраев.

– И было тоже шесть звонков, – быстро уточнил Дронго.

– Да, – кивнул Забраев, – в первый раз тоже было шесть звонков.

– Понятно, – сквозь зубы сказал Дронго, – кажется, нас с вами переиграли.

В номер вошел Потапов.

– Сейчас ему отнесут записку, – с порога заявил он. – Пришлось дать двадцать марок.

Дронго поднял наушники, внимательно слушая, что произойдет. В номер Перлова постукали. Раз, другой, третий. Ровный храп продолжался.

– Герр Перлофф, вы у себя? – послышался осторожный голос посыльного.

В ответ – ровное дыхание и равномерный храп Перлова. Дверь открылась. Дронго напряженно замер.

– Герр Перлофф, – снова мальчишеский голос. И вдруг дверь захлопнулась. Храп продолжался.

Дронго бросился к выходу. Побежал по коридору. Уже у дверей номера Перлова он повернул голову к бежавшим следом Потапову и Забраеву.

– Кто из вас открывал дверь его номера? Откройте еще раз.

Забраев достал универсальные отмычки. Дверь открылась. Дронго вошел первым. Номер был пуст. Дронго подошел к телефону, провел взглядом по проводу. Затем наклонился и с силой дернул какую-то коробочку, подключенную к проводу.

– Вот, герр Забраев, – сказал он, усмехнувшись, – можете оставить это себе на память. Микроволновый детектор «MODEL 350». Специальный прибор, разработанный для «затопления» данной территории и обнаружения возможных передатчиков. Подавляя возможные сигналы, он в то же время посылает собственные сигналы, которые преобразуются через ваши передатчики и выдают нам информацию о телефонных звонках и привычном храпе Перлова. Любой сигнал, подаваемый этим детектором, еще и усиливается за счет широкополосного усилителя АРУ. Они выиграли у нас этот раунд.

Забраев растерянно развел руки.

– Идемте, – махнул рукой Дронго, – мы забыли, что против нас действует не обычная банда уголовников из наркомафии. Против нас работает хорошо подготовленная группа бывших офицеров КГБ, ваших коллег. И, судя по всему, они имеют деньги для приобретения новейших образцов самой передовой техники.

Оставив на столе детектор, Дронго вышел из номера.

– Сбежал, – Забраев зло посмотрел на Потапова, – сумел уйти, сукин сын.

Дронго стоял в коридоре, с огорчением размышляя о том, что вся его поездка в Германию оказалась пустым номером. Связной Матюхина исчез. И сделал это не без помощи специалистов из группы Груодиса. Из этого следовало по крайней мере два вывода. Во-первых, в группе Груодиса находились действительно отменные профессионалы. А во-вторых, и это было самым неприятным на сегодняшний день, противная сторона была предупреждена о возможном наблюдении. И сделала все, чтобы оградить связного от этого наблюдения. И таким образом зримо продемонстрировать свои возможности. И свои знания.

– Первый раунд за ними, – признался Дронго, – ничего страшного, посмотрим, чем закончится вся игра.

Глава 7

Найти в многомиллионном городе исчезнувшего человека, который к тому же не хочет, чтобы его нашли, практически невозможно. Но это не значит, что найти действительно нельзя. При определенных обстоятельствах и профессиональном подходе можно попытаться сделать это, чем Дронго и собирался заняться.

Покинув отель, они втроем переехали в «Интерсити», в центр города, где был забронирован номер для прибывшего гостя. Не вызвало сомнений, что Перлов больше никогда не появится в «Висбадене». В микроволновом детекторе была записана специальная программа, которая и выдавала через усилитель новую информацию. Поставив этот прибор, Перлов, посмеиваясь, спокойно ушел из отеля.

Случившееся особенно подействовало на Потапова. Молодой человек переживал так остро, что Дронго решил его успокоить. Когда они оказались в его небольшом номере, он стал вспоминать:

– В самом начале моей карьеры у меня в Нью-Йорке был случай, когда в номер вместо меня посадили другого человека. Мы искали профессионального убийцу Дершовица. Это кончилось тем, что он убил молодого человека, сидевшего в моем номере, взорвал автомобиль, в котором были мои напарники, и исчез из города.

– Вы его так и не нашли? – спросил Потапов.

– Нашел. Через несколько лет в Румынии. Нашел и... В общем, я сделал то, что должен был сделать.

Забраев слушал молча. Он спокойно воспринял провал, понимая, что в жизни случаются и неудачи.

– Нам нужно проверить отели, где раньше останавливался Перлов, – продолжал Дронго, – он приехал для переговоров, значит, должен будет обязательно потратить на это хотя бы день. Мы возьмем еще один номер, и вы сядете за телефоны. Я, к сожалению, не столь хорошо владею немецким, чтобы разговаривать с администраторами отелей.

– Они могли уехать куда-нибудь в другой город, – предположил Забраев.

– Возможно, – согласился Дронго, – но попробовать все равно нужно. Может быть, он живет в нашем отеле, а мы этого даже не подозреваем. И я не думаю, что он приехал только для переговоров. Франкфурт – самый большой пересадочный и транспортный центр в этой части Западной Европы. Вероятно, у посланца Матюхина здесь будут и свои, особые интересы. Я думаю, что все равно мы должны все проверить. Идите, Потапов, вниз, вы помоложе. Снимите еще один номер и возьмите каталог всех отелей города. А потом мы начнем работать.

Потапов согласно кивнул и вышел из номера.

– Парень переживает, – тихо сказал Забраев. – После аварии в прошлом году его хотели комиссовать. Вот он и боится, что на него спишут все неудачи.

– А мы их не допустим, – улыбнулся Дронго, – что-нибудь придумаем.

– А вы оптимист, – заметил Забраев.

– Скорее реалист, – возразил Дронго, – человек не иголка. Его всегда можно найти. Где-нибудь в Новодедке найти Перлова было бы очень трудно. А здесь Германия. Идеальный порядок и четкие правила. Иностранец должен где-то жить и обязательно зарегистрироваться. У Перлова было много вещей?

– Один чемодан. Но тяжелый.

– Вот видите. Он же не будет таскать его с собой.

Через минуту появился Потапов. Он снял номер на этаже и принес каталог отелей города. Дронго взял карандаш и решительно разделил каталог пополам.

– Начинайте, – предложил он обоим офицерам, – и возьмите еще один каталог. Вам понадобится второй.

– Я пойду в другой номер, – предложил Забраев, – а сейчас спущусь, возьму еще один каталог.

– Действуйте, – разрешил Дронго, – а я приму душ и немного пройду, может, на свежую голову что-нибудь придумаю.

Он заметил, как они переглянулись, и усмехнулся. Иногда его методы работы вызывали непонимание, а чаще возмущение. Он знал, что в любой задаче бывают разные степени решения. Там, где ответ можно получить, применив обыкновенную арифметику, не обязательно прибегать к высшей математике. И наоборот. Главное – был бы результат. И Дронго знал, что в любой задаче всегда есть ответ. Просто в жизни нельзя заглянуть сразу в конец учебника, чтобы прочитать его там.

Он пошел в ванную комнату. Горячий душ – это лучшее средство, к которому он прибегал, перед тем как начать решение сложной проблемы. Кроме того, душ благотворно действовал на организм, снимая усталость. Уже стоя под сильной струей воды, он слышал громкий голос Потапова, говорившего с очередным администратором. Шансов, конечно, было очень мало. Если они придумали трюк с микроволновым детектором, то вполне могли предусмотреть и то, каким именно образом Дронго попытается найти Перлова.

Судя по всему, группе Груодиса стало известно, что за Перловым следят. И знали они это заранее: трудно поверить, что на встречу с посланцем мафии они ходят с микроволновыми детекторами и широкополосными усилителями. Значит, исходим из того печального факта, что они знают и о появлении в Германии самого Дронго.

Он вышел из ванной комнаты, надел свежую рубашку, брюки. Посмотрел на Потапова. Тот беседовал с администратором отеля «Интерконтиненталь». Услышав, что герр Перлофф не живет и в этом отеле, Потапов поблагодарил и положил трубку. Взглянул на Дронго.

– Пока ничего.

– Слышу, – кивнул Дронго, – все равно нужно продолжать.

Он направился к двери:

– Я вернусь через час. – И вышел из номера.

У вокзала, как обычно, было много людей и машин. Пожалуй, это было самое оживленное место в городе. Он прошел мимо туристического агентства, мимо представительства иранской авиакомпании. В этот майский день солнце светило достаточно ярко, но было относительно прохладно, и он надел пиджак. Неожиданно налетел сильный боковой ветер, и Дронго поспешил зайти в первый попавшийся бар, попросив у кельнера чашку горячего чая.

Отхлебывая чай, он снова и снова перебирал известные ему факты. Где-то позади, за его спиной, в глубине помещения, раздался телефонный звонок и недовольный женский голос что-то с раздражением сказал позвонившему. Дронго встрепенулся. Он нашел решение.

В отель он вернулся через десять минут. Потапов все еще с унылым видом обзванивал отели города. Дронго, заметив его безнадежный взгляд, подошел к телефону.

– Дайте мне трубку, – попросил он.

Дронго набрал код России, Москвы и номер телефона в Федеральной службе контрразведки.

– Слушаю вас, – отозвался полковник Савельев.

– Добрый день, – поздоровался Дронго. – Мне срочно нужна ваша помощь.

– У вас что-нибудь произошло? – спросил Савельев.

– Ничего страшного. Но, кажется, они знали о моем приезде. И о нашем наблюдении тоже.

– Это вам так кажется или они действительно знали? – глухо спросил Савельев.

– Они знали, что мы будем следить за Перловым, – твердо сказал Дронго, – и оставили нам вместо него приятную магнитофонную запись.

– Что вам нужно?

– Судя по всему, в ближайшие несколько часов Перлов обязательно должен позвонить Матюхину в Москву. Мне нужно, чтобы вы уточнили – откуда звонил Перлов. Вам это будет сделать несложно.

– А почему вы считаете, что мы прослушиваем телефоны Матюхина? – с нескрываемым раздражением спросил Савельев.

– Это мое предположение, – усмехнулся Дронго.

– Я ничего не могу обещать, – нервно заявил Савельев, – но постараюсь что-нибудь для вас сделать. Куда вам звонить? – Сообщение Дронго о возможной утечке информации смутило Савельева.

– Двадцать семь, тридцать девять, десять, моя комната номер триста два, отель «Интерсити», – продиктовал номер телефона и адрес Дронго, добавив в заключение: – Я буду ждать вашего звонка.

Дронго положил трубку и посмотрел на Потапова.

– Много еще отелей осталось?

– У меня еще восемь. Но есть мотели и станции, типа дежурных ночлежек, в которых он мог остановиться.

– Нет. Там в номерах нет телефонов, – возразил Дронго. – Ему обязательно нужен номер или комната с телефоном. Причем также обязательно отель. Он бывший уголовник и знает, как важна любая информация. Поэтому он не поедет с этими «знатоками» технических новшеств. Нет, он все-таки выберет именно отель. Нужно звонить до конца.

Потапов кивнул, снова взяв телефонную трубку. Через пятнадцать минут он закончил: в его списке отеля, в котором бы остановился Перлов, не было. Через десять минут явился Забраев. У него тоже было пусто. Потапов с нескрываемым разочарованием смотрел на Дронго. Ему так хотелось верить в чудо.

– Давайте что-нибудь поедим, – предложил Дронго. – По-моему, нам нужен небольшой перерыв. Учитывая, что мы ждем звонка из Москвы, предлагаю кому-нибудь сходить за сэндвичами. Или закажем обед в номер.

– Я спущусь вниз. – Потапов поднялся.

Потом они долго жевали невкусные сэндвичи, запивая их холодной кока-колой. Время тянулось невыносимо медленно. Еще через час Забраев позвонил в консульство. Там не было никаких известий. Когда минул следующий час, Потапов позвонил в Бонн, в посольство. Там тоже не было никаких новостей. Дронго видел, как нервничают офицеры, но продолжал ждать.

Через четыре часа наконец зазвонил телефон. Потапов поднял трубку и вопросительно посмотрел на Дронго:

– Это Москва.

Дронго перехватил трубку.

– Говорит полковник Савельев, – услышал он характерный, чуть глуховатый голос. – Перлов только что звонил и разговаривал с Матюхиным. Утверждает, что обо всем договорился, но будет ждать завтра утром окончательного подтверждения. Матюхин напоминал ему о каком-то грузе. Очевидно, Перлову были поручены две задачи. Сочетание приятного с полезным.

– Я так и думал, – ответил Дронго, – он не говорил, какого подтверждения будет ждать?

– Нет, но мы поняли, что речь идет о нашем деле. Очевидно, у него состоялась встреча с представителем Груодиса. И, судя по разговору, это была уже не первая встреча. Вы что, упустили его?

– Пока нет. Вам удалось засечь место, откуда он звонил?

– Конечно. Записывайте телефон Перлова в Германии. Сорок один, семьдесят четыре, семьдесят, – продиктовал Савельев, и в заключение, не удержавшись, язвительно спросил: – Больше никакой помощи вам не требуется?

– Спасибо большое, – стараясь не улыбнуться, ответил Дронго. – Если понадобится, я позвоню.

Быстро положил трубку, обернулся:

– Вот телефон, Перлов только что звонил Матюхину в Москву. И сотрудникам ФСБ, которые засекали этот звонок, удалось установить, с какого именно телефона он звонил. Узнайте, где это находится.

Потапов поднял трубку телефона.

– Простите, фройляйн, куда я попал? – спросил он, набрав номер, и, выслушав ответ, положил трубку. – Отель «Стайгенбергер» в Бад-Хомбурге. Это в двадцати километрах от Франкфурта.

– И там есть казино, – тихо произнес Дронго, кивая.

– Есть, – изумился Потапов, – а откуда вы знаете?

– Этого следовало ожидать, – пожал плечами Дронго, – я обязан был догадаться с самого начала. Вы ведь сами говорили, что он любит азартные игры. Бад-Хомбург – идеальное для него место. И вполне подходящий отель для переговоров. Едем. Можете не проверять. Перлов переехал в этот отель.

Глава 8

Прежде чем отправиться в Бад-Хомбург, Дронго попросил Забраева забрать с собой возможные приборы, какие были на вооружении обоих офицеров. Он даже составил список того, что ему понадобится. Взглянув, Забраев изумленно поднял брови.

– Но у нас нет ничего похожего.

– Значит, нужно найти, – с нажимом сказал Дронго, – в этом городе полно магазинов, где продают подобную технику. У вас есть деньги?

Офицеры переглянулись.

– У вас нет денег, – констатировал Дронго, – российская разведка не слишком щедро снабжает вас техникой. Черт с вами, я дам вам собственные деньги. У меня есть кредитная карточка. Поехали быстрее, может, успеем найти то, что нужно.

– Но для чего это нужно? – спросил Потапов.

– Я очень не люблю проигрывать, – заметил Дронго, – мне неприятна сама мысль, что такое ничтожество, как Перлов, может меня переиграть. Хотя мне кажется, что я знаю фамилию человека, сумевшего поставить нам всем блестящий мат в первой партии. Я не люблю оставаться в долгу. Приехать и набить морду Перлову, чтобы он все рассказал, – мало. Нужно побить их собственным оружием – я жажду победы на их поле.

– Ясно, – вздохнул Потапов, – тогда едем. Я знаю одно место, где продают нечто подобное. Но мы туда не войдем: они держат под контролем всех покупателей. Можете сами набирать любой товар.

Через десять минут они уже сидели в автомобиле Потапова, а еще через два часа, основательно нагруженные различными приборами, они выезжали из города в направлении на север.

Компания «Стайнгенбергер» располагала множеством отелей по всему миру, в том числе и в Германии, и отель в Бад-Хомбурге был одним из лучших. Номера были оформлены в причудливом стиле Арт Деко. Насчитывающий сто пятьдесят два номера и семнадцать сьютов, отель имел два ресторана с французской, американской и немецкой кухней. Здесь же располагалось и огромное казино на пятьсот мест. Довольно дорогие номера, обходившиеся более чем в триста долларов или почти в полтысячи марок, не особенно привлекали рядовых туристов, предпочитавших приезжать сюда на игру и останавливаться в отелях, где были более умеренные цены.

К зданию отеля, светившемуся в темноте сотнями разноцветных огней, их автомобиль подъехал в семь часов вечера. Дронго кивнул Потапову:

– Снимите номер и постарайтесь осторожно узнать о Перлове.

Потапов довольно быстро вернулся. Открыв дверцу машины, он сел рядом с Дронго, на место водителя.

– Вы были правы, – сказал он, – Перлов живет в четыреста втором номере. Я попросил свободный номер на этаже, но портье сказал, что есть только сюит. Пришлось взять.

– Опять за мой счет? – недовольно спросил Дронго.

Потапов виновато пожал плечами.

– Нам разрешили тратить не больше трехсот марок в день. А сюит стоит шестьсот восемьдесят. Что было делать?

– Разумеется, заставить платить меня, – кивнул Дронго. – Пойдемте, а то портье решит, что нас отпугнула цена номера.

Забрав тяжелые сумки, они прошли в холл, где любезный портье уже начал оформлять их двухкомнатный сюит. К гостиничному блеску Дронго давно привык и не обращал внимания на великолепие холла, расписанного в достаточно вызывающей для строгих немцев манере.

Обосновавшись в номере, они принялись за работу. Потапов спустился в казино, Забраев позвонил в номер Перлова. Он звонил снизу, от портье, чтобы не вспугнуть Перлова. Звонок из холла не привлекал внимания. Это мог звонить портье, пожелавший что-либо узнать. Но телефон не отвечал.

Только когда вернувшийся Потапов подтвердил, что Перлов сидит в казино, Дронго набросал схему, как нужно подключать технику, а сам спустился в казино.

Любое казино – это прежде всего профессиональные шулера, которые пытаются вас надуть. В девяноста девяти случаях из ста им это удается. А процент удачной игры против системы вымогания денег так ничтожен и так случаен, что не может всерьез приниматься в расчет. Казино – это место, где посетителя обязательно обманут, используя один из пороков человечества – страсть к игре. Нечто подобное, но менее респектабельное – публичный дом. Практически между публичным домом и казино нет разницы. В обоих случаях вам выдают суррогат вместо подлинных чувств. В первом имитируют любовь, во втором игру. Но в обоих случаях это обман клиентов, которые все знают и хотят быть обманутыми. А редкие случаи настоящей любви в публичном доме и настоящей игры в казино только подтверждают общее правило.

По натуре игрок, Дронго не любил казино. Тем не менее он иногда садился играть, а однажды, в Тбилиси, в казино при ресторане «Сакартвело» на Тбилисском проспекте, умудрился за сорок минут выиграть в покер более тысячи долларов. Но это был счастливый случай.

Войдя в зал, он сразу увидел Перлова: тот стоял у столика с рулеткой. Дронго прошел дальше, так чтобы видеть своего подопечного, и сел за стол, где вяло шла игра в покер – ставка была не более десяти марок. Дронго, разменяв двести марок, включился в игру, продолжая наблюдать за Перловым.

Тот азартно рисковал, ставя крупные суммы. Иногда выигрывал, чаще проигрывал. Но, похоже, только распался от этого. Дронго осмотрелся. Перлов ни с кем не общался, но кто-то еще обязательно должен был быть в зале: интеллект Перлова был просто написан на лице – додуматься до микроволнового детектора он бы не смог, для него это непосильная задача.

Крупный, широкоплечий, ростом почти с Дронго, с бобриком коротко остриженных рыжеватых волос, широким, чуть сплюснутым носом, толстыми губами, обвислыми щеками, Перлов был похож на немецкого бургера, разумно рискующего здесь своими ста марками в день, если вообще садился играть. Но Перлов делал куда большие ставки, и это существенно отличало его от бургера.

В один из эпизодов игры Перлов случайно выиграл довольно большую сумму и от радости даже вскинул вверх кулак. Дронго в этот момент получил двадцать очков и почти не смотрел на карту крупье. Перлов радостно принимал фишки, которые двигал к нему своей лопаточкой крупье. Дронго так увлекся наблюдением за Перловым, что не заметил, как крупье показал на свои карты. У него выпало очко. И это, похоже, совсем его не смутило. Дронго посмотрел на часы. Игра шла уже двенадцать минут. Офицеры должны были управиться за десять. Значит, можно возвращаться. Дронго еще раз обвел взглядом собравшихся. Никого знакомых, но в зале должен быть тот, кто его страхует. Попросив официанта принести стакан воды, он в который раз обвел взглядом зал и поднял стакан. И вдруг кто-то толкнул его. Дронго чуть обернулся.

– Простите, – сказал по-английски прошедший мимо человек. Это был подполковник Олег Пискунов. Дронго запомнил это узкое, почти мальчишеское лицо седого человека в очках. Это был единственно достойный противник, способный переиграть любого наблюдателя. Теперь Дронго не сомневался, что утренняя встреча Перлова с представителем группы Груодиса обязательно состоится.

Глава 9

В Москве шел сильный дождь. Он начался рано утром, как-то незаметно, словно раздумывая, стоит ли. Но, начавшись, постепенно вошел во вкус и развернулся во всю мощь к полудню, устроив грозовой концерт над белокаменной, рассекая небо молниями, раскалывая громами.

Даже самый сильный ливень не сумел бы помешать встрече Матюхина и его гостей. Сегодня решался очень важный вопрос, и на такие мелочи, как плохая погода, никто просто не обратил внимания. К дому, выбранному для встречи, гости начали подъезжать к пяти вечера. Первым прикатил Павел Бурнаков, один из лидеров самого крупного московского объединения, «держашего» большую часть торговых заведений в нескольких округах столицы. По мнению компетентных источников, у него под ружьем было около двух тысяч человек, и он считался самым крупным московским авторитетом, наравне с Матюней, контролирующим большую часть и подмосковных группировок.

Войдя в комнату, он демонстративно любезно поздоровался только с Матюхиным, не обращая внимания на его многочисленных помощников и телохранителей. Впрочем, Матюхин ответил тем же, не заметив приехавших с Бурнаковым людей. Сразу вслед за этим прибыл Хромой Гиви, который действительно сильно хромал. Он не стал демонстрировать нарочитую любезность, а лишь коротко кивнул обоим, равным ему по силе и влиянию в городе. Но, сев за стол, он молча уставился в одну точку. Матюхин недовольно пожал плечами и взглянул на часы. Должны были подъехать еще двое, но они запаздывали.

– Может быть, начнем? – раздался гортанный голос Гиви Кобахидзе. – Все уже собрались.

– Не все, – возразил Матюхин. – Мы ждем представителей из Баку и Махачкалы.

– А зачем мы их должны ждать? – спросил Хромой Гиви. – Если они захотели опоздать, это их личное дело. Мы пришли вовремя и не хотим их ждать.

– Да, – поддержал Бурнаков, – чего мы ждем? Когда они подойдут, мы им коротко расскажем о том, что решили. Не они будут нам диктовать, что и как делать. Это наше право.

– Тогда прошу всех выйти из комнаты, – твердо заявил Матюхин, – останутся только уважаемый Гиви и Павел. Охрану остающихся я гарантирую лично.

Бурнаков разрешающе взглянул на своих людей. Начальник его охраны, бывший офицер КГБ, вышел одним из первых. Он знал, что в подобных случаях хозяину лучше не перечить. Следом за ним потянулись охранники Кобахидзе, от которых несло ароматом французских одеколонов.

Когда они остались втроем, Матюхин обвел взглядом свой кабинет:

– Теперь мы можем переговорить.

– Ты не доверяешь своим людям? – спросил Гиви. Он был высокого роста, очень худой, с сильно выпирающим кадыком, который судорожно двигался, когда Кобахидзе нервничал.

– А ты доверяешь? – огрызнулся Матюхин. – В нашем деле вообще никому доверять нельзя. Лучше, если о нашем разговоре будем знать только мы, да и предателей быстрее найдем если что.

Кадык Гиви судорожно дернулся, но он промолчал. Тучный Бурнаков нахмурился.

– Почему нет людей из Баку и Махачкалы? – спросил он.

– Может, задержались где, – посмотрел на часы Матюхин. – Скоро подъедут. Не волнуйся.

– Без них наш разговор просто брехня трех людей, – зашипел Бурнаков. – Как груз получать будем?

– Это пусть Гиви решает, – кивнул на Кобахидзе Матюхин, – он товар должен получить у них и в Москву доставить. А дальше уже наше дело.

– Зачем так говоришь? – занервничал Гиви. – Получается, что вы в стороне. А зачем тогда ты сюда позвал этих посланцев с Кавказа? Мне не доверяешь, да?

– Хватит, – разозлился Матюхин, – я тебе доверяю. Иначе твои кишки давно лежали бы на этом ковре. Сам знаешь, зачем нам нужен посланец с Кавказа, – нужно наладить с ними более прочные связи.

– Давайте без шухера, – предложил Бурнаков. – Что нужно делать? Зачем ты нас позвал?

– Наши друзья в Германии, которые помогали нам несколько раз размещать товар, попросили за некоторых людей, – сказал Матюхин, – и Гиви обещал помочь. И чем это кончилось? Двое отказались, а одного мы даже не смогли убрать.

Матюхин сказал «мы», и этим несколько успокоил Гиви.

– Но мы нашли вместо них других, – напомнил Гиви, – и даже устроили одного из них туда, куда просили твои друзья. А второй сейчас там живет. Его документы уже взяли, чтобы оформить на работу. Но за это мне еще платить придется.

– Не придется, – возразил Матюхин, – я сегодня говорил с моим человеком в Германии. Он сказал, что они готовы финансировать все наши действия.

– Пять тысяч долларов? – засмеялся Гиви. – Большие деньги в Европе сейчас пять тысяч долларов. Там президент Ширак получает в месяц семь тысяч долларов. А я такую сумму за три часа в казино проигрываю.

– Они готовы дать по сто тысяч долларов, – строго сказал Матюхин, – а ты не валяй дурака. Постарайся устроить второго на нужное место. У них должна быть вся информация.

– Сделаю, – кивнул Гиви. – Что-то твои друзья наглеют. Уже указывать нам стали.

– Они просят, а не указывают.

– И щедрые такие, – задумчиво сказал Гиви, – почему они столько денег платят? За информацию? Здесь что-то не так, они нас обманывают.

– Это не наше дело. Мы обязаны устроить двоих туда, куда они хотят. Если можешь устроить без денег, действуй сам. А деньги положи в карман или проиграй в казино. А еще лучше поделись с товарищами. – И Матюхин подмигнул Бурнакову.

– Ты мне зубы не заговаривай, – кадык у Гиви снова заходил вверх и вниз, – я деньги из «общака» никогда не брал. Сколько нужно, столько и заплачу, но твоих людей устрою. Одного выгнали за пьянство. Если он по-прежнему пить будет, опять выгонят.

– Значит, ты объяснишь ему, чтобы не пил, – рассудительно сказал Матюхин.

– А получится? – недоверчиво спросил Бурнаков.

– Всегда ты, Бурнак, всего опасешься, – заулыбался Матюхин, – еще как получится. Сейчас приедут ребята с Кавказа и все расскажут. За деньги там может получиться все. У нас еще иногда попадаются идеалисты, не отягченные умственной деятельностью. А у них таких идеалистов давно нет. Выбили они их, вывели. Одни «мужики» остались. А еще «паханы» и «шестерки».

– Ты меня уму-разуму не учи, – нахмурился Бурнаков, – молод еще. Я сам все понимаю. Хочу знать, почему такие деньги за пьяницу платят?

– Откуда я знаю? – рассудительно сказал Матюхин. – Может, они решили, что он им подходит. Вот и просят, чтобы в управление охраны включить грузина, а другого в милицию устроить, на прежнее место работы.

– Такие деньги, – раздумывая, сказал Бурнаков, – за эти деньги они могут десять милиционеров купить. А почему-то хотят именно своих людей.

– Это не наше дело, – рассудительно сказал Матюхин, – они нам помогают. Мы им. И точка. Я вопросов лишних никогда не задавал, поэтому так долго и живой хожу.

– А среди твоих ребят, наоборот, болтуны появились, – добавил Гиви Кобахидзе, обращаясь к Бурнакову, – если не суки.

– Выражайся яснее, – встрепенулся тот.

– У меня три провала было. Трижды моих людей ловили, когда они свой товар сюда привозили, – огрызнулся Гиви, – и все три раза о товаре знали твои люди. А когда я попросил Матюхина принять товар, все прошло благополучно.

– Ты думай, о чем говоришь, – шумно задышал Бурнаков, – ты лучше среди своих поищи, может, там кто-нибудь решил с «мусорами» снюхаться?

– Я своих людей знаю, – гордо возразил Гиви, – если суку найду, убью. Они это знают.

– А мои, значит, подумают! – закричал Бурнаков бабьим визгливым голосом. – Ты моих ребят не знаешь! Кто ты такой, что ты так говоришь?!

– Я знаю, что говорю! – заорал в ответ Гиви.

– А я говорю, что и среди моих людей все чисто! Ты в другом месте поищи, почему у тебя товар пропадает.

Кадык Гиви взметнулся несколько раз вверх. Ему всегда казалось, что все намекают на его недавнее прошлое, когда он был одним из осведомителей КГБ. Впрочем, это для вора было не так страшно, как быть пособником милиции. КГБ считался оплотом государства, и помогать такой организации, по непонятной логике многих преступников, было даже почетно. Очевидно, истоки этой логики нужно искать в традициях сталинских лагерей, когда попадавшие туда заключенные делились на несколько категорий. Самые опасные и презируемые, разумеется, были политические, которых одинаково ненавидели и охранники, и воры. Матерые преступники, убийцы, насильники, воры считались менее опасными, чем учительница, посмевавшая хранить дома запрещенные книги, или философ, осмелившийся в своих лекциях упомянуть забытые имена, или историк, честно рассказавший историю гражданской войны.

Такие традиции нашли свое отражение и во всех уголовных кодексах славной Страны Советов. За хозяйственные преступления расстреливали беспощадно, а за убийство или грабеж могли дать не больше десяти лет. Это была политика государства, когда преступления против строя карались гораздо строже, чем преступления против конкретных людей.

Именно поэтому, зная, что Гиви Кобахидзе был в свое время осведомителем КГБ, его принимали в преступном мире, считая, что он не запятнал свое воровское ремесло, «честно» рассказывая контрразведчикам об интересующих их иностранцах, торгующих валютой и наркотиками. Но некоторая ущербность в подсознании Гиви все-таки оставалась.

– Опять, – поморщился Матюхин. – Потом выясним все отношения. У нас работа впереди.

– Он первым начал, – зашипел Бурнаков.

– Я про тебя говорил или про твоих людей?

– Все! – прервал Матюхин. – Кончайте ваши разговоры.

Словно услышав его слова, в комнату вошел один из его людей.

– Посланцы прибыли, – коротко доложил он, – с Кавказа.

– Наконец-то, – обрадовался Матюхин, – давай, зови их.

Через три часа автомобиль Бурнакова – серебристый «Мерседес» – подъехал к одному из домов, завернул во двор. Впереди сидели телохранитель и водитель Бурнакова.

– Подождите меня здесь, – сказал, тяжело вылезая из автомобиля, Бурнаков.

Телохранитель равнодушно кивнул. Они знали о единственной страсти хозяина, коллекционировавшего красивых женщин. Бурнаков оглянулся и вошел в подъезд, прошел к лестнице и, тяжело отдуваясь, поднялся на второй этаж. Оглянувшись еще раз, позвонил.

Дверь открылась сразу. Бурнаков вошел в квартиру.

– Сыро тут у вас, – сказал, морщась.

– Ничего, – ответил ему веселый голос невысокого человека лет пятидесяти, – проходи в комнату.

Бурнаков прошел и тяжело опустился на стул, который жалобно под ним заскрипел.

– Грязно тут, – неодобрительно прошипел Бурнаков.

– А жизнь вообще грязная штука, – снова засмеялся хозяин квартиры. – Что нового? Провели ваше совещание?

– Провели, – кивнул Бурнаков, – Матюхин сказал, что говорил со своими друзьями в Германии. Вернее, со своим связным. Это Перлов, тот самый, о котором я рассказывал.

– Это я помню, – кивнул собеседник. – Что дальше?

– Он говорил об их просьбе. Они готовы заплатить по сто тысяч долларов, но чтобы двоих людей устроить на работу в местные органы. Там, на Кавказе.

– Сколько они хотят заплатить? – осторожно переспросил хозяин квартиры.

– По сто тысяч, – подтвердил Бурнаков, – я сам вначале не поверил. Но Матюхин говорит, они согласны на все. Но только чтобы обязательно обоих устроить на работу.

– Их имена, фамилии известны?

– Я не спрашивал. Было слишком опасно. Один из них грузин. Его уже устроили в управление охраны. В Тбилиси. Он раньше там работал, но потом переехал в Минск, а теперь его нашли и вернули в Тбилиси. Второй – азербайджанец. Он много пил, и его выгнали из органов милиции. Сейчас его устраивают в Управление внутренних дел Баку.

– Понятно, – кивнул хозяин, – постараемся найти. Но почему зарубежные друзья так интересуются именно ими?

– Не знаю. Они сказали, что заплатят по сто тысяч долларов, и больше ничего. Матюхин обещал потом все узнать и нам объяснить.

– Ладно, – хозяин почесал подбородок, – что-нибудь покумекаем. Спасибо за информацию.

– Не за что. – Бурнаков встал, направился к выходу. Потом обернулся: – Ты бы хоть место поменял, Михеев, а то мои ребята подозревать начнут.

– Не начнут, – усмехнулся Михеев, – твои ребята привыкли к этим визитам. А насчет квартиры ты прав. В следующий раз встретимся в другом месте, в Измайлове. Будешь туда ездить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.